

СТИВЕН
КИНГ
&
РИЧАРД
ЧИЗМАР

ПОСЛЕДНЕЕ
ДЕЛО ГВЕНДИ

Стивен Кинг
Ричард Чизмар
Последнее дело Гвенди
Серия «Вселенная Стивена Кинга»
Серия «Гвенди», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67977890

Последнее дело Гвенди: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-145527-9

Аннотация

Прошли годы. Теперь Гвенди Питерсон – признанная писательница и успешный политик. Она вполне довольна своей жизнью, пока однажды вечером на ее пороге не появляется Ричард Фаррис, человек в черной шляпе-котелке. В его руках – пульт управления, набравший за последние годы такую силу, что сопротивляться ей становится все сложнее.

Есть только один способ избавиться от него раз и навсегда. И для этого Гвенди предстоит отправиться... на международную космическую станцию.

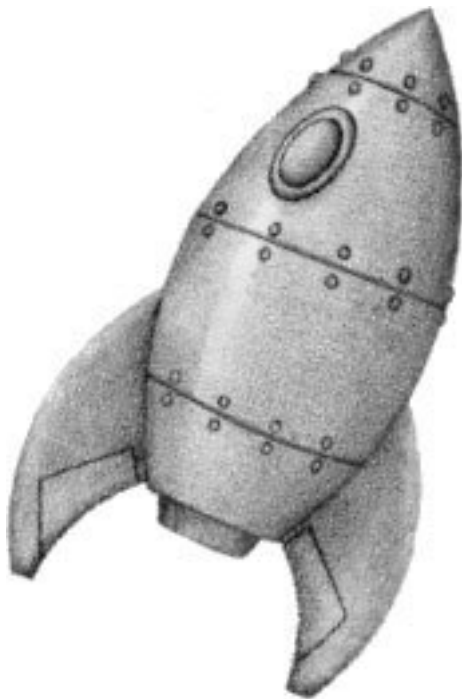
Казалось бы, задача не из простых. Однако настоящая опасность ждет Гвенди на корабле, где кто-то из членов экипажа будет упорно пытаться похитить пульт.

Кто он, этот новый враг? Откуда знает о пульте и что собирается с ним делать?

Слишком много вопросов – и так мало времени, чтобы найти ответы!..

Содержание

1	7
2	10
3	17
4	22
5	26
6	34
7	40
8	46
9	50
10	53
11	59
12	63
13	70
14	84
15	87
16	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Стивен Кинг,
Ричард Чизмар
Последнее дело Гвенди**

Марше Дефилиппо, большому другу писателей

Stephen King and Richard Chizmar

GWENDY'S FINAL TASK

© Stephen King and Richard Chizmar, 2022

© Cover Artwork. Ben Baldwin, 2022

© Interior Artwork. Keith Minnion, 2022

© Перевод. Т. Покидаева, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

1

Чудесный апрельский день во Флориде, в местечке Плайялинда неподалеку от мыса Канаверал. Сейчас 2026 год от Рождества Христова, и лишь немногие в толпе зрителей, собравшихся на восточном берегу Макс-Хук-Бэк-Крик, носят маски. В основном это совсем пожилые люди, которые уже привыкли к ним и неохотно меняют привычный уклад. Коронавирус никуда не исчез, как припозднившийся гость, не желающий уходить с вечеринки, и хотя многие боятся, что он снова мутирует и вакцины станут бесполезны, пока что его удается держать в узде.

Кто-то из зрителей – опять же, это совсем пожилые люди, чье зрение уже не такое, как прежде, – смотрят в бинокли, но большинство обходится без них. Космический корабль, стоящий на стартовой площадке космодрома в Плайялинде, – самый крупный из всех пилотируемых кораблей, когда-либо взлетавших с Матери-Земли; при стартовой массе более 4,5 миллиона фунтов он не зря носит имя «Орел-19 Тяжелый». Плотная туманная дымка скрывает последние пятьдесят футов его четырехсотфутового корпуса, но даже самые близорукие зрители видят вертикальную надпись на боку корабля. Три огромные буквы:

Т Е Т

И даже те, кто совсем плохо слышит, различают и тут же подхватывают аплодисменты, доносящиеся с космодрома. Один человек – он такой старый, что помнит трескучий голос Нила Армстронга, сообщавший миру, что «“Орел” совершил посадку», – оборачивается к жене. У него в глазах стоят слезы, его загорелые худые руки покрылись мурашками. Это Дуглас Брайхем по прозвищу Дасти. Его жена – Шейла Брайхем. Десять лет назад они вышли на пенсию и переехали в Дестин, но оба родом из Касл-Рока, штат Мэн. Шейла когда-то служила диспетчером в тамошнем полицейском участке.

В полутора милях от них, на космодроме «Тет корпорейшн», продолжают аплодисменты. Для Дасти и Шейлы они звучат еле слышно, но на другом берегу наверняка гремят громом, потому что цапли срываются с места утреннего отдыха и летят прочь белым кружевным облаком.

– Они выходят, – говорит Дасти своей жене, с которой прожил пятьдесят два года.

– Боже, храни нашу девочку, – шепчет Шейла, перекрестившись. – Боже, храни нашу Гвенди.

Восемь мужчин и две женщины идут друг за другом по правому коридору в здании ЦУП. Их защищает стена из прозрачного оргстекла, потому что последние двенадцать дней они провели на карантине. Сотрудники центра отрываются от компьютеров, поднимаются с мест и аплодируют стоя. Это традиция, но сегодня она подкрепляется искренним ликованием. Еще больше аплодисментов и ликующих возгласов будет снаружи, где экипаж встретят полторы тысячи сотрудников «Тет корпорейшн» (они все носят рубашки, комбинезоны и куртки с нашивками, обозначающими принадлежность к братству космических операторов ТЕТ). Любой пилотируемый полет в космос – большое событие, но именно этот полет будет особенным во многих смыслах.

Предпоследней в десятке идет женщина с длинными волосами – уже седыми, – собранными в хвост, спрятанный под высоким воротом скафандра. Ее лицо гладкое, без заметных морщин, по-прежнему выразительное и красивое, хотя вокруг глаз и в уголках рта все же виднеются мелкие морщинки. Ее зовут Гвенди Питерсон, ей шестьдесят четыре года, и меньше чем через час она станет первым в истории действующим сенатором США, который отправится на новую международную космическую станцию МФ-1. (Особо циничные коллеги Гвенди любят шутить, что тут явный намек на кро-

восмесительный половой акт¹, хотя на самом деле МФ – сокращение от «Много флагов».)

Астронавты несут шлемы в руках, а значит, у девятих из десяти свободна одна рука и они могут махать в ответ на приветствия. Гвенди, официальный член экипажа, махать не может, потому что в одной руке у нее шлем, а в другой – маленький белый чемоданчик и махать чемоданчиком ей совершенно не хочется.

Поэтому она просто кричит:

– Спасибо всем! Мы вас любим! Это еще один шаг к звездам!

Аплодисменты взрываются с новой силой. Кто-то кричит: «Гвенди в президенты!» Кто-то еще подхватывает призыв, но таких очень немного. Она популярный политик, но все-таки *не настолько*. И уж точно не здесь, во Флориде, отдавшей абсолютное большинство голосов кандидату от республиканцев (опять) на последних всеобщих выборах.

Астронавты выходят из здания и садятся в трамвайчик на три вагона, который доставит их к кораблю. Гвенди приходится запрокинуть голову и упереться затылком в жесткий ворот скафандра, чтобы увидеть верхушку ракеты. *Я действительно полечу в космос?* – спрашивает себя Гвенди, и уже не в первый раз.

Рядом с ней сидит высокий светловолосый биолог. Он на-

¹ Англоязычные (и не только) читатели сразу же разглядят в аббревиатуре МФ слово «motherf*cker». – Здесь и далее примеч. пер.

клоняется к ее уху и говорит вполголоса:

– Еще есть время отказаться. Никто не подумает о вас плохо.

Гвенди смеется. Смех получается слишком искусственным, слишком нервным.

– Если вы верите, что я откажусь, то, наверное, верите и в Санта-Клауса с Зубной феей.

– Тоже верно, – говорит он. – И все же не стоит переживать, что подумают люди. Если есть хоть малейшее сомнение... если вы не уверены на сто процентов, что не сорветесь и не начнете кричать: «Стойте! Не надо! Я передумала!» – когда включатся двигатели, то лучше все прекратить прямо сейчас. Потому что когда включатся двигатели, пути назад уже не будет, а на борту никому не нужны паникующие политики. Или, уж если на то пошло, паникующие миллиардеры. – Он смотрит вперед, на соседний вагончик, где упомянутый миллиардер что-то втолковывает командиру корабля. В своем белом скафандре он напоминает человека из теста от компании «Пиллсбери».

Трамвай уже тронулся с места. Вдоль путей стоят люди в комбинезонах и приветствуют астронавтов аплодисментами. Гвенди ставит чемоданчик на пол и придерживает ногами. Теперь можно махать рукой.

– Со мной все будет в порядке. – Она не совсем в этом уверена, но говорит себе, что должна справиться. Да, *должна*. Из-за этого белого чемоданчика. С рельефными красны-

ми надписями по обеим сторонам: «**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**». – А с вами?

Биолог улыбается, и Гвенди вдруг понимает, что не помнит, как его зовут. На протяжении четырех последних недель он был ее напарником во время предполетной подготовки, буквально пару минут назад, перед выходом из зала ожидания, они проверяли друг у друга скафандры, и она совершенно не помнит, как его зовут. Это О. Н., как говорила ее покойная мама: очень нехорошо.

– Со мной тоже. Это мой третий полет, и когда мы начнем набирать высоту и пойдут перегрузки... Скажу за себя: это лучший оргазм из всех возможных.

– Спасибо, что поделились секретом, – говорит Гвенди. – Я обязательно упомяну эту подробность в своем первом докладе на нижний предел.

Так у них принято называть Землю. Нижний предел. Это она помнит, тут все хорошо. Но как, черт возьми, зовут биолога?

В кармане толстовки лежит записная книжка, где хранится вся информация – и особенная закладка. Там записаны имена всех членов экипажа, но сейчас Гвенди точно не сможет достать свою книжку, а даже если бы смогла, это *навверняка* вызовет подозрения. Она пытается применить мнемонические приемы, которым ее научил доктор Эмброуз. Они не всегда помогают, но на этот раз все получается. Сидящий с ней рядом мужчина – высокий, статный, голубогла-

зый, с волевым подбородком и густыми светлыми волосами. Этакий горячий красавчик. Что бывает горячим? Огонь. Сунешь руку в огонь – будет ожог...

Берн². Его зовут Берн. Берн Стэплтон. Профессор Берн Стэплтон, а также майор в отставке Берн Стэплтон.

– Лучше не надо, – говорит Берн. Она понимает, что он имеет в виду свое замечание об оргазме. С ее кратковременной памятью все хорошо, по крайней мере *пока* хорошо.

Скажем так, *не особенно плохо*.

– Я пошутила, – говорит Гвенди и касается его руки под перчаткой скафандра. – Не волнуйтесь, Берн. Со мной все будет в порядке.

Мысленно она вновь повторяет, что справится. Она должна справиться. Нельзя подводить избирателей, которые в нее верят – а сейчас это вся Америка и почти весь мир, – но это не самое главное. Самое главное – белый стальной чемоданчик, стоящий у ее ног. Вот *тут* она должна справиться любой ценой. Потому что внутри чемоданчика лежит шкатулка из красного дерева. Около фута в ширину, чуть больше фута в длину и примерно семь дюймов в высоту. На крышке – три ряда кнопок, на боковых сторонах – маленькие рычажки, такие крошечные, что их приходится сдвигать мизинцем.

На этом космическом рейсе к МФ есть только один платный пассажир, и это не Гвенди. Гвенди – полноправный член экипажа, у нее будет своя работа. Работы не так уж и много, в

² Английское имя Bern (Берн) и слово «burn» (ожог) созвучны.

основном надо записывать данные на айпад и передавать их в ЦУП, но это не просто прикрытие для ее настоящего дела на верхнем пределе. Она отвечает за климатический мониторинг, и другие члены экипажа в шутку называют ее девушкой из прогноза погоды и Бурей-Бурей. Последнее – сценический псевдоним известной экдисиастки прошлых лет.

Кто это? – размышляет она. – *Я должна знать.*

Ей приходится снова прибегнуть к мнемонической технике доктора Эмброуза. Слово, которое надо вспомнить, – оно как слой краски. Нет, не так. Прежде чем красить стену, надо избавиться от старой краски. Как-то ее соскоблить, обнажить штукатурку. Да, «обнажить» уже ближе. Кто обнажается перед публикой?

– Стриптизерша, – бормочет она.

– Что? – оборачивается к ней Берн. Он отвлеклся, чтобы помахать аплодирующим врачам, стоявшим рядом с машинами «скорой помощи». Которым, даст бог, не придется включать сирены в этот чудесный апрельский день.

– Нет, ничего, – говорит Гвенди и думает: *Экдисиастка – это стриптизерша.*

Какое все-таки облегчение, когда вспоминается забытое слово. Она знает, что уже очень скоро память откажет совсем. Ей это не нравится – на самом деле ей страшно, – но таково неизбежное будущее. Сейчас ее главная задача – пережить этот день. Когда корабль взлетит (не в воздух, а в безвоздушное пространство), ее уже не отправят обратно до-

мой, если вдруг станет известно о ее проблеме, верно? Но если об этом станет известно, вся ее миссия окажется под угрозой. И есть еще кое-что, самое страшное. Гвенди не хочется об этом думать, но жуткие мысли лезут в голову сами.

Что, если она забудет истинную причину всей этой затеи? Истинная причина – шкатулка внутри чемоданчика. Звучит напыщенно, как в плохой мелодраме, но Гвенди Питерсон знает, что так и есть: судьба всего мира зависит от этой шкатулки.

Ажурная башня обслуживания из стальных балок, которая стоит рядом с ракетой, одновременно является шахтой для огромного наружного лифта. Гвенди и ее спутники поднимаются по лестнице из девяти ступеней и входят в кабину. Лифт рассчитан на три дюжины человек, так что места достаточно, но Гарет Уинстон встает почти вплотную к Гвенди, из-под его белого скафандра выпирает солидный живот.

Уинстон ей категорически неприятен, но она, разумеется, не проявляет своей неприязни. За четверть века в большой политике Гвенди Питерсон в совершенстве овладела изящным искусством скрывать свои чувства и изображать искреннее восхищение на лице. В самом начале ее карьеры в правительстве – в качестве депутата в конгресс от первого округа штата Мэн – опытный ветеран политических битв Патриция Фоллетт взяла ее под свое покровительство и дала много полезных советов. Один из этих советов касался старого пердуна, долгосрочного представителя штата Миссисипи Милтона Джексона (который теперь заседает в благословенном конференц-зале на небесах), но оказался универсальным, и Гвенди им пользовалась постоянно: «Когда общаешься с идиотами обоего пола, улыбайся им как родным и старайся все время смотреть им в глаза. Женщины решат, что тебе понравились их серьги. Мужчины – что ты сраже-

на их обаянием. И никому даже в голову не придет, что ты просто следишь за каждым их шагом».

– Это будет незабываемое путешествие. Вы готовы, сенатор? – спрашивает Уинстон, когда лифт начинает свой неторопливый подъем на высоту 400 футов.

– Готовность номер один, – отвечает Гвенди, улыбаясь ему, как всегда улыбается идиотам. – А вы?

– Я весь в предвкушении! – объявляет Уинстон, раскинув руки. Гвенди приходится сделать шаг назад, чтобы он ее не задел. Гарет Уинстон любит широкие, экспансивные жесты; видимо, он убежден, что его состояние в сто двадцать миллиардов долларов (меньше, чем у Джеффа Безоса, но ненамного) дает ему право на экспансивность. – Весь в предвкушении и восторге!

Надо ли говорить, что он и есть платный пассажир, а туристический полет в космос стоит бешеных денег. Официально Уинстон выложил за билет 2,2 миллиона долларов, но Гвенди знает, что была и другая цена. Многомиллиардное состояние неизбежно предполагает немалое политическое влияние, а поскольку «Тет корпорейшн» активно готовится к пилотируемому полету на Марс, им нужны политические союзники – и чем больше, тем лучше. Остается надеяться, что Уинстон переживет путешествие и все-таки сможет использовать свое влияние. Он страдает избыточным весом, и на последнем медицинском осмотре его кровяное давление было на крайнем пределе нормы. Другие члены экипажа об

этом не знают, но Гвенди знает. У нее есть на него досье. Знает ли *он*, что она знает? Гвенди бы не удивилась.

– Сказать, что это путешествие всей жизни, значит ничего не сказать. – Уинстон говорит достаточно громко, и все остальные оборачиваются в его сторону. Кэти Лундгрэн, командир корабля, украдкой подмигивает Гвенди и улыбается уголком рта. Не обязательно уметь читать мысли, чтобы догадаться, что это значит: *Не завидую тебе, сестренка*.

Когда медленный лифт проезжает нижнюю «Т» в надписи «ТЕТ», Уинстон переходит к делу. Уже не в первый раз.

– Вы же летите не только для того, чтобы слать космические приветы своим восторженным почитателям и наблюдать за большим голубым шаром, выясняя, как пожары в лесах Амазонии влияют на ветровые потоки в Азии. – Он выразительно смотрит на чемоданчик с красной надписью «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

– Не надо меня недооценивать, Гарет. Я изучала метеорологию в университете и прошлой зимой прошла курс повышения квалификации, – говорит Гвенди, игнорируя и сам комментарий, и подразумеваемый в нем вопрос. Не то чтобы Уинстон стеснялся спросить прямо; он уже спрашивал – и не раз – во время четырехнедельной подготовки к полету и двенадцатидневного карантина. – Боб Дилан, как выясняется, был не прав.

Уинстон озадаченно морщит лоб.

– Я не совсем понимаю, сенатор...

– Чтобы знать, куда дует ветер, все-таки *нужен* метеоролог. Лесные пожары в Южной Америке и Австралии вносят фундаментальные изменения в общий климат Земли. Некоторые из них явно неблагоприятны, а некоторые, как ни странно, идут планете на пользу. Замедляют глобальное потепление.

– Я сам никогда в это не верил. В лучшем случае – надуманная проблема, в худшем – несуществующая.

Они уже проезжают «Е». *Уберите от меня этого идиота*, думает Гвенди... а потом понимает, что если ей так противен Гарет Уинстон, тогда и вовсе не стоило затевать этот полет.

Но это точно не вариант.

Она смотрит на Уинстона, удерживая на лице лучезарную улыбку, которую про себя называет улыбкой Патси Фоллетт.

– Антарктида тает, как мороженое на солнце, а вы не верите в глобальное потепление?

Но Уинстон не даст увести разговор в сторону от интересующей его темы. При всем его самодовольном бахвальстве он далеко не дурак, раз уж сделал свои миллиарды. И хватка у него будь здоров.

– Я бы многое отдал, сенатор, чтобы узнать, что вы прячете в этом маленьком чемоданчике. А мне, как вы знаете, есть что отдать.

– Что это было? Попытка подкупа должностного лица?

– Ни в коем случае. Просто фигура речи. И кстати, раз уж мы с вами товарищи по космическому приключению, можно

мне вас называть просто Гвенди?

Она стоически держит улыбку, хотя у нее уже сводит мышцы лица.

– Безусловно. А что касается содержимого... – Гвенди приподнимает руку, в которой держит белый чемоданчик. – Если я вам скажу, у нас обоих будут большие проблемы, и вы попадете в федеральную тюрьму, а оно правда того не стоит. Вы будете разочарованы, а мне не хотелось бы огорчать четвертого богатейшего человека в мире.

– Третьего, – поправляет он и улыбается не менее лучезарно, чем сама Гвенди. Он шутливо грозит ей пальцем. – Я не отступлюсь, так и знайте. Я очень упорный. И никто не посадит меня в тюрьму, дорогуша. – *О боже, думает Гвенди. Мы продвинулись от «сенатора» к «Гвенди» и «дорогуше» за время одной-единственной поездки в лифте. Хотя лифт действительно очень медленный.* – Иначе вся экономика рухнет.

Гвенди не отвечает, а сама думает, что если спрятанная в чемоданчике шкатулка – пульт управления – попадет не в те руки, тогда рухнет всё.

Возможно, у Солнца появится новый астероидный пояс. Между Марсом и Венерой.

На верхней площадке располагается просторная белая кабина, где астронавты стоят с поднятыми руками и медленно кружатся на месте, пока на них распыляют дезинфицирующий раствор, запах которого подозрительно напоминает хлорку.

Раньше здесь размещалась еще одна крошечная кабинка с надписью на двери: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПОСЛЕДНИЙ ТУАЛЕТ НА ЗЕМЛЕ». Но «Орел-19», космический лайнер класса люкс, оснащен бортовым туалетом. Который, как и три личных каюты, размером чуть больше капсулы. Одна из личных кают досталась Гарету Уинстону, и Гвенди считает, что это справедливо: он заплатил немалые деньги. Вторую каюту выделили самой Гвенди. При иных обстоятельствах она была бы категорически против особого отношения к своей персоне, но, помня основную причину участия в этой миссии, согласилась без возражений. Судьбу третьей каюты руководитель ЦУП Айлин Брэдок предложила решить жеребьевкой – разыграть между шестью астронавтами, не входящими в летный экипаж (то есть всеми, кроме командира корабля Кэти Лундгрэн и второго пилота Сэма Дринкуоте-ра), – но все причастные единогласно решили отдать кабину энтомологу Адешу Пателю. Всю его живность уже загрузили на борт. Адеш будет спать на крошечной койке в окружении

жучков-паучков. Включая (*брр*, думает Гвенди) тарантула по имени Оливия и скорпиона Бориса.

Туалет общий, и больше всех этому радуется Кэти Лундгрэн. «Никаких больше подгузников, – сказала она Гвенди еще на карантине. – Вот *это*, мой милый сенатор, я называю огромным скачком для всего человечества. Особенно для женской его половины».

– *Внимание*, – гремит голос в динамике связи с ЦУП. – *До старта два часа пятнадцать минут. Все системы готовы. Показатели в норме.*

Кэти Лундгрэн и второй пилот Сэм Дринкуотер оборачиваются к остальным. Кэти – в ее золотисто-каштановых волосах блестят мелкие капельки дезинфицирующего раствора – обращается сразу ко всем, но Гвенди уверена, что ее речь адресована в первую очередь сенатору и миллиардеру.

– Прежде чем мы приступим к предстартовой подготовке, я повторю вкратце график полета. Вы все его знаете, но таков регламент, установленный «Тет корпорейшн»: проговорить все еще раз непосредственно перед посадкой на борт. Мы выйдем на околоземную орбиту через восемь минут и двадцать секунд после старта и останемся на орбите на двое суток. За это время мы совершим тридцать два или тридцать три полных витка вокруг Земли, в зависимости от скорректированной траектории. Мы с Сэмом составим карту космического орбитального мусора для последующей санитарной миссии. Сенатор Питерсон – Гвенди – приступит к своим

обязанностям по наблюдению за погодой. Адеш, как я понимаю, будет лелеять и холить своих жучков-паучков.

Все смеются. Дэвид Грейвс, статистик и айтишник, говорит:

– И если кто-то из них сбежит из каюты, то мгновенно отправится за борт, Адеш. И ты вместе с ним.

Все снова смеются. Это хороший, расслабленный смех. Гвенди надеется, что ее собственный смех звучит так же непринужденно.

– На третьи сутки полета мы стыкуемся с «МФ-один». Сейчас на станции почти пусто, не считая китайского экипажа...

– Жу-у-у-ть, – говорит Уинстон, изображая испуг.

Скользнув по нему ровным взглядом, Кэти продолжает:

– Китайцы держатся особняком, в своем девятом отсеке. Наши отсеки – первый, второй и третий. Отсеки с четвертого по восьмой в настоящее время не заняты. Если мы вообще увидим китайцев, то только во время пробежек на внешнем кольце. Бегают они часто. У нас будет достаточно места. На станции нам предстоит провести девятнадцать суток, и «достаточно места» – это невероятная роскошь. Особенно после сорока восьми часов в «Орле». Сейчас я скажу самое главное, поэтому слушайте очень внимательно. Берн Стэплтон – ветеран космических перелетов, это его третья миссия. Дэйв Грейвс летит во второй раз. Сэм, мой первый помощник, совершил пять полетов, я сама совершила семь. Все остальные

у нас новички, и я скажу то, что всегда говорю всем новичкам. У вас еще есть шанс передумать. Последний шанс. Если у кого-то из вас есть *хоть малейшие сомнения*, что вы сможете выдержать этот полет, лучше скажите об этом сейчас.

Все молчат.

Кэти кивает:

– Отлично. Тогда вперед!

Один за другим они проходят по посадочному рукаву и забираются в люк с помощью четырех техников в белых (тщательно продезинфицированных) комбинезонах. Лундгрэн, Дринкуотер и Грейвс – который будет вести наблюдение за полетом по компьютерным мониторам – заходят первыми.

На втором уровне, сразу под ними, рассаживаются в один ряд врач Дейл Глен, физик Реджи Блэк и биолог Берн Стэплтон.

На третьем, самом широком уровне, где когда-нибудь будут сидеть многочисленные платные пассажиры (во всяком случае, в «Тет корпорейшн» на это надеются), располагаются астроном Джафари Банколе, чья работа начнется уже на станции, энтомолог Адеш Патель, пассажир Гарет Уинстон и последняя в списке, но не последняя по значимости, младший сенатор от штата Мэн, Гвенди Питерсон.

Гвенди садится между Банколе и Пателем. Ее летное кресло напоминает футуристический шезлонг. Над каждым сиденьем располагаются три пустых темных экрана, и на секунду Гвенди впадает в панику, потому что не может вспомнить, как их включать. Что-то для этого надо сделать, но что?

Она смотрит вправо и успевает увидеть, как Джафари Банколе вставляет кабель в порт подключения на груди своего скафандра. В голове все проясняется. *Соберись, Гвенди. Не раскисай.*

Она подсоединяет кабель, и экраны над ее креслом включаются. На одном идет видеотрансляция с космодрома: корабль на стартовой площадке в реальном времени. На втором отражаются показатели жизненно важных функций (кровенное давление чуть повышено, пульс в норме). По третьему ползет снизу вверх непрерывный столбец информации и цифр. Бекки, бортовой компьютер, проводит предстартовую самопроверку систем. Эти данные ничего не значат для Гвенди, но для Кэти Лундгрэн они, безусловно, имеют значение, как и для Сэма и Дэйва Грейвса. Но именно Кэти и Айлин Брэддок, директор ЦУП, наблюдают за показаниями приборов с величайшим вниманием, потому что только у них двоих есть полномочия отменить старт, если им что-нибудь не понравится. Гвенди знает, что такое решение будет

стоить компании больше семнадцати миллионов долларов.

Пока что все цифры зеленые. Обратный отсчет в верхней части экрана тоже горит зеленым.

– Люк задраен, – объявляет Бекки своим мягким, почти человеческим голосом. – Все системы в порядке. До старта один час сорок восемь минут.

– Проверка внешних условий, – говорит Кэти.

– Погодные условия... – начинает Бекки.

– Отставить, Бекки. – Скафандр мешает Кэти обернуться, но она машет рукой. – Жду доклада от Гвенди.

На один жуткий миг Гвенди теряется, совершенно не представляя, что делать и как отвечать. В голове – необъятная пустота. Но потом она видит, как Адеш Патель указывает пальцем под ее кресло, и все снова встает на свои места. Уже понятно, что из-за стресса ее состояние ухудшается, и Гвенди опять говорит себе: успокойся. Ты *должна* успокоиться. Мысль о том, что она в прямом смысле слова сидит на мегатоннах легковоспламеняющегося ракетного топлива, пугает ее не так сильно, как непрерывное разрушение нейронных связей, происходящее в серой губке внутри ее черепной коробки.

Она снимает с креплений под креслом айпад, на чехле которого оттиснуто: «ПИТЕРСОН». Включает его, приложив палец к сканеру, и открывает погодное приложение. Переключение по внутреннему корабельному вайфаю происходит само собой, и на диагностическом экране над креслом

Гвенди появляется карта погоды, точно такая же, как в телевизионных прогнозах.

– Условия отличные, – говорит Гвенди. – Давление высокое, облачность нулевая, ветра нет. – Она, разумеется, знает, что как только корабль стартует, его сможет сбить с курса разве что ураган. Погода снаружи имеет значение только на взлете и в момент возвращения в атмосферу.

– Что на верхнем пределе? – спрашивает Сэм Дринкуотер. В его голосе явственно слышится улыбка.

– Грозы на высоте семьдесят миль, с небольшой вероятностью метеоритных дождей, – говорит Гвенди, и все смеются. Она выключает планшет, и на экран возвращаются данные диагностики.

Джафари Банколе говорит:

– Если хотите сесть у иллюминатора, сенатор, еще есть время поменяться местами.

На третьем уровне имеется два иллюминатора – опять же, с прицелом на будущий космический туризм. Место у одного из них, разумеется, досталось Гарету Уинстону. Гвенди качает головой.

– Как астроном нашего экипажа вы не должны покидать свой наблюдательный пост. И сколько раз я вас просила называть меня просто Гвенди?

Банколе улыбается.

– Много раз. Просто мне все равно как-то неловко.

– Я понимаю. Но раз уж мы с вами теснимся в самой до-

рогой в мире консервной банке, может, вы все же сумеете себя пересилить?

– Хорошо. Отныне вы Гвенди. По крайней мере, до стыковки со станцией.

Они ждут. Минуты тянутся и утекают (*как утекает мой разум*, думает Гвенди и не может отделаться от этой мысли). За сорок минут до старта Бекки сообщает про отстыковку обслуживающей башни. За тридцать пять минут до старта Бекки объявляет:

– Приступаем к заправке баков. Все системы в порядке.

Давным-давно, в незапамятные времена – на самом деле лет десять-двенадцать назад, но в двадцать первом веке все меняется с бешеной скоростью, – заправка ракеты производилась до посадки на борт экипажа, однако с появлением «Спейс-Икс» многое изменилось. В кабине больше нет никаких средств управления полетом, кроме вездесущих сенсорных панелей, и по-настоящему всем рулит Бекки (Гвенди очень надеется, что их Бекстер не окажется женской версией ЭАЛ-9000). Лундгрэн и Дринкуотер нужны в основном только «на случай внештатного трындеца», как говорит сама Кэти. По факту самый важный человек на борту – это Дэйв Грейвс. Если у Бекки случится нервный срыв, Дэйв сумеет ее подлечить. Наверное. Будем надеяться.

– Шлемы, – говорит Сэм Дринкуотер и надевает свой. – Всем подтвердить выполнение.

Все отвечают один за другим. В первый миг Гвенди не мо-

жет вспомнить, где располагаются защелки, потом вспоминает и закрепляет шлем.

– До старта двадцать семь минут, – сообщает Бекки. – Все системы в порядке.

Взглянув на Уинстона, Гвенди не без злорадства отмечает, что его фамильярность богатого дядюшки испарилась. Он смотрит в иллюминатор на синее небо и угол здания ЦУП. На его пухлой щеке, которая видна Гвенди, горит красное пятно, а сам он бледный как мел. Наверное, думает, что затея с полетом была не такая уж и прекрасная.

Словно уловив ее мысли, он оборачивается к ней и поднимает вверх большой палец. Гвенди отвечает тем же.

– Ваш сверхсекретный багаж закреплен надежно? – спрашивает Уинстон.

Гвенди держит чемоданчик под коленом, чтобы тот не уплыл, когда наступит невесомость. Если он улетит, то только вместе с ней, а ее держат в кресле накрепко зафиксированные ремни, как у пилота военного истребителя.

– Все отлично, – говорит она и добавляет, хотя не помнит, что это значит – и значит ли что-то вообще: – На пять из пяти.

Уинстон хмыкает и отворачивается обратно к иллюминатору.

Адеш, сидящий слева от Гвенди, закрывает глаза. Его губы беззвучно шевелятся, почти наверняка – в молитве. Гвенди тоже хотелось бы помолиться, но она уже очень давно пе-

рестала по-настоящему верить в Бога. Но *что-то* все-таки есть. В этом Гвенди уверена, потому что невозможно поверить, что на Земле существует сила, способная создать непостижимое устройство, спрятанное сейчас в белом стальном чемоданчике с кодовым замком, который можно открыть только заданной комбинацией из семи цифр. Ей кажется, она знает или хотя бы догадывается, почему это устройство вновь оказалось в ее руках. Но почему оно было доверено ей при явных симптомах болезни Альцгеймера с ранним началом – это уже непонятно. К тому же несправедливо – и вообще абсурдно, – но жизнь человеческая изначально устроена несправедливо. Когда Иов воззвал к Господу, всемогущий Господь ответил неласково: *Где был ты, когда Я полагал основания земли?*³

Не бери в голову, думает Гвенди. *Как говорится, Бог троицу любит, и третий раз волшебный. Я сделаю, что должна сделать, и удержу свой угасающий разум на месте до тех пор, пока все не будет закончено. Я обещала Фаррису, и я всегда выполняю свои обещания.*

По крайней мере, всегда выполняла.

Если бы рядом со мной сейчас не было ни в чем не повинных людей, размышляет она, хороших, самоотверженных, смелых людей, преданных своему делу (разве что за исключением Гарета Уинстона), я бы, наверное, пожелала, чтобы корабль взорвался на старте или милях в пятидесяти от

³ Иов, 38:4.

Земли. И тогда все решилось бы само собой...

Нет, не решилось бы; ненадежная память чуть было снова не подвела Гвенди. По словам Ричарда Фарриса, виновника всех ее бед, никакой взрыв не поможет. И ничто не поможет. Даже если утяжелить проклятый пульт управления камнями и бросить его в Марианскую впадину, проблема останется.

Это должен быть космос. Не просто последний предел, а запредельная вселенская пустота.

Дай мне сил, молится Гвенди Богу, чье существование представляется ей крайне сомнительным. Словно в ответ на ее мысленную молитву Бекки – бог «Орла-19» – объявляет, что до старта остается десять минут и все системы по-прежнему в норме.

Сэм Дринкуотер говорит:

– Фиксируем смотровые щитки. Всем подтвердить выполнение.

Все опускают щитки и рапортуют о выполнении приказа. В первый миг Гвенди теряется, не понимая, почему так темно; потом вспоминает, что вместе с основным щитком опустился и солнцезащитный. Она сдвигает его наверх основанием ладони.

– Переходим на автономный кислород. Всем подтвердить выполнение.

Клапан где-то на шлеме, но Гвенди не помнит, где именно. Боже, как ей сейчас не хватает записной книжки! Она смотрит на Адеша и успевает заметить, как тот повернул ма-

ленькую рукоятку на левой стороне шлема, сразу над верхним краем воротника скафандра. Гвенди повторяет за ним и слышит тихое шипение воздуха, входящего в шлем.

Не забудь отключить кислород, когда корабль выйдет на орбиту, напоминает она себе. На орбите мы дышим бортовым воздухом.

Адеш вопросительно глядит на нее. Гвенди неловко складывает колечко из большого и указательного пальцев. Адеш улыбается, но Гвенди боится, что он заметил ее неуверенность. Она опять вспоминает о маминим О.Н.: очень нехорошо.

Время при подготовке к полету тянулось медленно. Время на карантине тянулось медленно. Выход наружу, подъем в лифте, посадка, предстартовое ожидание – все было медленно. Но теперь, на последних минутах до старта, время стремительно ускоряется.

В динамике шлема – очень громко, но Гвенди не помнит, как уменьшить громкость, – звучит голос Айлин Брэдок, руководителя ЦУП:

– До старта пять минут. Начинаем обратный отсчет.

Кэти Лундгрэн:

– Вас понял, ЦУП. Конечный обратный отсчет.

Возьми айпад, думает Гвенди. *Все управление скафандром происходит через айпад.*

Она прикасается к иконке скафандра, находит в меню регулятор уровня громкости и убавляет звук. *Видишь, как много ты помнишь?* – говорит она себе. – *Он бы тобой гордился.*

Кто именно?

Любимый муж. Приходится напрячь память, чтобы вспомнить его имя, и это ее пугает.

Райан, конечно же. Райан Браен, ее замечательный муж.

Сэм Дринкуотер:

– «Орел» в режиме ожидания. Давление в баках штатное.

На айпаде Гвенди и на экране над ее креслом цифры об-

ратного предстартового отсчета меняются с 03:00 на 02:59, на 02:58, на 02:57.

Чья-то рука в плотной перчатке хватает Гвенди за руку. Гвенди испуганно вздрагивает и озирается по сторонам. Это Джафари. В его взгляде читается вопрос, можно ли подержать ее за руку или лучше не надо. Она кивает, улыбается и крепче сжимает его руку. Он шепчет одними губами: *Все будет хорошо*. Уинстон сидит у своего купленного и оплаченного иллюминатора, но сейчас ему не до красот за окном. Он глядит прямо перед собой, сжав губы в тонкую, почти невидимую линию, и Гвенди знает, о чем он думает: *Почему это показалось мне хорошей идеей? Видимо, в голове помутилось*.

Кэти:

– Ключ на старт.

Сэм:

– Вас понял, ключ на старт. Ребята, мы буквально в одиннадцати минутах от звездного неба среди бела дня.

Кажется, только секундой позже, Айлин из ЦУП:

– Экипаж, все в порядке? Жду ответа от всех.

Они отвечают один за другим. Гарет Уинстон – самым последним, его *все в порядке* звучит как сдавленный хрип.

Кэти Лундгрэн спокойна как слон:

– Система прекращения полета активна. До старта одна минута. К старту готовы?

Сэм Дринкуотер и Айлин Брэддок отвечают в один голос:

– К старту готовы.

Свободной рукой Гвенди тянется к белому чемоданчику. Все хорошо, он на месте. Ему ничто не грозит. А вот пульт управления внутри чемоданчика грозит *всему миру*. Пульт управления внутри чемоданчика – самая опасная вещь на Земле. Вот почему его надо *убрать* с Земли.

Айлин Брэддок:

– Командир корабля Лундгрэн, птичка в ваших руках.

– Вас поняла. Управление птичкой приняла.

На экране над креслом Гвенди идет отсчет последних десяти секунд.

Она думает: *Как меня зовут?*

Гвенди. Папа хотел назвать меня Гвендолин, а мама – Венди, как в «Питере Пэне». Чтобы никому не было обидно, они решили объединить оба имени. В результате я – Гвенди Питерсон.

Гвенди думает: *Где я?*

В Плайялинде, штат Флорида. На космодроме «Тет корпорейшн». По крайней мере, я буду здесь еще пару секунд.

Зачем я здесь?

Прежде чем она успевает ответить на этот вопрос, из нижних отсеков в 450 футах под ней доносится нарастающий грохот. Кабина начинает дрожать – поначалу почти незаметно, потом все сильнее и сильнее. Гвенди смутно припоминает, как лет в пять или шесть сидела на стиральной машине, когда та переходила в режим отжима.

– Все параметры в норме, – говорит Сэм Дринкуотер.

Спустя две секунды Кэти Лундгрэн объявляет:

– Старт!

Раскатистый грохот становится громче, кабина трясется еще сильнее. Гвенди не знает, то ли это нормально, то ли что-то пошло не так. На центральном экране над ее креслом здание ЦУП почти скрывается за пеленой красно-оранжевого огня. Далеко ли пламя от кабины? В пятидесяти футах? Вста? Крупная дрожь сотрясает корабль. Джафари еще крепче сжимает ей руку.

Что-то неправильно. Так не должно быть.

Гвенди закрывает глаза и опять задается вопросом, зачем она здесь.

Если вкратце, она здесь потому, что один человек – *если* он человек – сказал, что так надо. В эти мгновения, когда

Гвенди ждет, что сейчас они все погибнут в мощном взрыве жидкого кислорода и ракетного топлива, она не может вспомнить его имя. На дне ее разума образовалась большая щель, и все, что она знала раньше, утекает в черную пустоту. Она помнит только, что он носил шляпу. Маленькую аккуратную шляпу.

Черного цвета.

Пульт управления уже в третий раз возник в жизни Гвенди Питерсон. В первый раз ей вручили его лично в руки в холщовом мешке с завязкой. Во второй раз она обнаружила его в нижнем ящике шкафа для бумаг в своем вашингтонском кабинете – в первый год работы в конгрессе в качестве депутата от второго округа штата Мэн. В третий раз пульт появился в 2019 году, когда Гвенди баллотировалась в сенат и проводила предвыборную кампанию, которая даже по мнению членов демократического комитета имела столько же шансов на успех, сколько их было у Легкой бригады во время их знаменитой атаки. Каждый раз пульт приносил человек, всегда одетый в черные джинсы, белую рубашку, черный пиджак и маленькую черную шляпу-котелок. Его звали Ричард Фаррис. В первый раз пульт оставался у Гвенди достаточно долго, несколько лет. Второй срок хранения был гораздо короче, но Гвенди уверена, что пульт спас жизнь ее маме (Алисия Питерсон умерла в 2015 году, спустя многие годы после того, как должна была скончаться от рака).

В третий раз все было... иначе. *Сам Фаррис* был другим. Гвенди проработала в палате представителей до 2012 года и вышла в отставку, хотя могла бы переизбираться до восьмидесяти лет, и за восемьдесят, и, может быть, даже за девяносто, если бы захотела.

– Вы как Стром Термонд, – сказал ей однажды Пит Райли, руководитель мэнского отделения демократического комитета. – Вас бы, наверное, переизбрали даже посмертно.

– Не надо сравнивать меня с Термондом, – ответила ему Гвенди.

– Хорошо, пусть будет Джон Льюис. Или взять ту же Маргарет Чейз-Смит из нашего мэнского Скаухигана – тридцать три года в правительстве. С кем бы вас ни сравнить, вся суть в том, что вы – легендарная личность. И вы нам нужны.

Но ей самой было нужно совсем другое. Ей хотелось писать книги. Литература была ее первой любовью. У нее вышло всего пять романов, и время стремительно убывало. После отставки с государственной службы Гвенди полностью посвятила себя любимому делу и была счастлива, как никогда в жизни под куполом Капитолия. В 2013 году у нее вышел роман «Роза с шипами», а в 2015-м – триллер о серийном убийце «Улица одиночества». Действие этой истории об обязательном маньяке, собирающем зубы убитых женщин, происходит в Вашингтоне, но сама история основана на реальных событиях в родном городе Гвенди.

У нее созрел замысел еще одной книги, где будет большая любовь и семейные тайны, и она уже приступила к работе, когда Дональд Трамп победил на президентских выборах. Многие жители второго округа штата Мэн возликовали, поскольку были уверены, что теперь вашингтонское болото будет осушено, федеральный бюджет – сбалансирован,

а поток нелегальных мигрантов из Южной Америки наконец прекратится. Для убежденных демократов – людей, которые избегают смотреть «Фокс ньюз», словно через экран можно подхватить бешенство, – это стало началом четырехлетнего кошмара. Отец Гвенди, наверное, самый аполитичный сторонник демократической партии во всем штате Мэн, сказал ей на следующий день после объявления результатов выборов: «Теперь все изменится, Гвенни. И вряд ли к лучшему».

Она с головой погрузилась в работу над новой книгой, действие которой происходило в штате Мэн в те времена, когда жители Дерри расстреляли бандитов из банды Брэдли, и тут к ней внезапно приехал Пит Райли. Выглядел он неважно и как будто похудел на двадцать фунтов за те два с небольшим года, что прошли после выборов 2016-го. Он говорил коротко, прямо и по существу. Он просил Гвенди баллотироваться в сенат против Пола Магоуэна в 2020 году, который назвал «годом стопроцентного зрения». Сказал, что только у Гвенди есть шанс победить республиканского бизнесмена, убежденного, что его предвыборная кампания – просто формальность на пути к predetermined результату.

– Как минимум вы замедлите его разгон и подарите надежду хорошим людям, страдающим ТД.

– Что такое ТД?

– Трамп-депрессия. Подумайте, Гвенди, я очень прошу. Подумайте беспристрастно и честно.

Подумайте беспристрастно и честно – это была корон-

ная фраза Гвенди, которую она произносила как минимум один раз на каждом общем собрании на всем протяжении своей политической карьеры. Если Пит Райли рассчитывал, что Гвенди сразу проникнется и смягчится, то он просчитался.

– Вы шутите. Наверняка. Помимо того, что я пишу новую книгу...

– Которая, я уверен, будет такой же прекрасной, как все предыдущие, и даже лучше, – сказал Пит, одарив Гвенди своей самой обворожительной улыбкой под Кларка Гейбла.

– Не пытайтесь мне льстить, – хмыкнула Гвенди. – Все равно бесполезно. Так вот, я хотела сказать, что пишу новую книгу, в которой много жаркого секса, доставляющего мне опосредованное удовольствие, но даже если бы я не была занята, надо учесть, что в две тысячи четырнадцатом этот кре-тин Магоуэн победил с отрывом в пятнадцать процентных пунктов. И все последние два года он так рьяно вылизывал задницу Дональда Трампа, что теперь уровень его поддержки составляет восемьдесят процентов.

– Ни хрена он не составляет, – возразил Пит. – Это все республиканская пропаганда. Вы сами знаете.

– Я не знаю. Но ладно, допустим. Да, я была популярной на пике карьеры, однако у людей короткая память. Магоуэн сейчас герой дня, а я – какая-то вчерашняя тетенька. В политике есть свои приливы и отливы, и конкретно сейчас идет мощная консервативная волна. Вы сами должны понимать.

Может быть, я проиграю не с таким заметным отрывом, как пятнадцать процентных пунктов, но я все равно проиграю.

Пит Райли встал у окна в маленьком кабинете Гвенди и выглянул наружу, держа руки в карманах.

– Хорошо, – сказал он, не глядя на Гвенди. – Если не произойдет чуда, вы проиграете. Думаю, это решенный вопрос. Ну так проиграйте. Произнесите проникновенную речь, поздравьте соперника с победой, скажите, что избиратели сделали выбор, но борьба продолжается, бла-бла-бла. После чего спокойно вернетесь к своему роману о Дерри тридцатых годов. Но сейчас не тридцатые годы, сейчас две тысячи восемнадцатый. И знаете что? – Он обернулся к Гвенди с видом опытного адвоката, обращающегося к присяжным. – «Второе пришествие» Йейтса уже началось. Прибой окрашен кровью, и светопреставление все ближе. Люди отвергают науку, отвергают борьбу за права женщин, отвергают само понятие равенства. Они всеми силами отворачиваются от *правды*. Даже если отставить политику в сторону, кто-то должен возвысить голос и ткнуть их носом в те вещи, в которые им удобнее и проще не верить. Вы всегда именно это и делали, *всегда*. И я прошу, чтобы вы сделали это снова.

– То есть мне надо выступить этакой благородной Жанной д'Арк, чтобы добрые граждане Мэна сожгли меня на костре?

– Никто не станет вас жечь, – сказал Пит... не знавший о том, что спустя восемь лет Гвенди будет сидеть в пламенеющем факеле под названием «Орел-19», всерьез опасаясь,

что в любую секунду превратится в перегретые атомы. – Вы проиграете выборы. Но в процессе заставите попотеть этого жирного борова Магоуэна. Даже на стадии предвыборных дебатов уже можно многое сделать. Пусть люди увидят, что он поддерживает идеи, которые не просто плохи, а совершенно несостоятельны и даже опасны. Вот о чем я прошу. А *потом* вы спокойно вернетесь к работе над книгой.

Гвенди была готова разозлиться на Пита, но она понимала, что хотя бы отчасти он прав. Она действительно чересчур драматизирует, что, наверное, простительно автору книги, где сплошные семейные тайны и жаркий секс.

– Ладно, скажем иначе. Принять удар на себя. Так будет правильнее?

Пит опять ослепительно улыбнулся.

– В лунку одним ударом.

– Мне надо подумать, – сказала она.

Возможно, это была ошибка.

Но не такая большая, как это, думает Гвенди, когда грохот двигателей превращается в оглушительный рев. Джафари Банколе так крепко сжимает ей руку, что парализующая боль ощущается даже сквозь две перчатки. Свободной рукой Гвенди открывает меню «ЭКИПАЖ» на айпаде, жмет на имя Джафари сенсорным датчиком на кончике указательного пальца (она обнаружила, что нужная информация вспоминается легче, когда не пытаешься вспоминать) и обращается к нему тет-а-тет по приватному каналу связи:

– Чуть полегче, Джаф, ладно? Мне больно.

– Прошу прощения, – говорит он, ослабив хватку. – Просто... мы так далеко от Кении.

– И от Западного Мэна, – говорит Гвенди.

Кабина дрожит уже не так сильно. Кресло Гвенди отклоняется назад на мягких шарнирах. Или не кресло? Может быть, это корабль меняет угол наклона. Опрокидывается. Кренится.

Гвенди переключается на общий канал связи с ЦУП, чтобы слушать, что говорят Кэти, Сэм и Айлин.

– Отдаление триста пятьдесят миль. Звуковой барьер пройден, – говорит Айлин. Ее голос звучит абсолютно спокойно, и почему бы и нет? Айлин в безопасности на Земле.

– Вас поняла, – говорит Кэти. Она тоже спокойна, что не

может не радовать.

– Все в норме, «Орел-девятнадцать». Двигатели работают штатно, все три.

– Вас понял. – На этот раз отвечает Сэм Дринкуотер.

Кабина кренится еще сильнее, но уже не дрожит. По крайней мере, пока не дрожит.

– Разрешаю прибавить тягу, «Орел-девятнадцать».

Кэти и Сэм отвечают одновременно:

– Вас понял.

Гвенди не слышит никаких изменений в реве ракетных двигателей, но в груди становится тесно, словно на нее давит невидимая рука. Впереди, уровнем выше, врач Дейл Глен стучит пальцами по экрану айпада, что-то сосредоточенно пишет. Не одним пальцем с сенсорным датчиком, а именно пальцами. Он вообще снял перчатку. *Будто сидит у себя в кабинете в Мизуле*, думает Гвенди.

Она открывает меню «ИНФОРМАЦИЯ О ПОЛЕТЕ» на своем планшете. Со старта прошло меньше двух минут, а высота уже 22 мили. Скорость – 2600 миль в час. У Гвенди, которая убеждена, что скорость 80 миль в час на скоростной автомагистрали в Мэне – это уже запредельно опасно для жизни, такие числа вообще не укладываются в голове. Но нарастающая перегрузка ощущается тяжестью во всем теле. Земное притяжение не желает отпускать.

Раздается тяжелый удар, за которым следует яркая вспышка в левом иллюминаторе, и у Гвенди мелькает мысль,

что это конец. Джафари снова до боли сдавливая ей руку.

– Отделился твердотопливный ускоритель, – говорит Сэм, на что Дэйв Грейвс отвечает:

– Аллилуйя. Давай, шевели дюзами, Бо Пип.

– Назовешь меня так еще раз, и я оборву тебе уши, – говорит Кэти. – Как понял?

– Вас понял, – говорит Дэйв, улыбнувшись.

Кабина кренится еще сильнее. Голубое небо снаружи уже потемнело и сделалось фиолетовым.

– Три основных двигателя работают превосходно, – говорит Кэти, и Гвенди видит, как Берн Стэплтон поднимает вверх два больших пальца. Уже в следующую секунду его голос звучит у нее в шлеме, на приватном канале связи:

– Как ощущения, сенатор?

Поскольку их больше никто не слышит, она говорит:

– Это лучший оргазм из всех возможных.

Он смеется. Получается очень громко. Гвенди морщится. Надо уменьшить громкость, но как? Не так давно она знала и даже убирала звук, но теперь напрочь забыла.

Регулятор в айпаде. Там вообще все.

Прежде чем она успевает уменьшить громкость, Берн отключается, и связь автоматически возвращается на общий канал. Айлин Брэддок сообщает им снизу – теперь из далекого далека, – что они прошли точку невозврата.

Кэти:

– Вас понял. Прошли точку невозврата.

Пути назад уже нет, думает Гвенди, и ее страх сменяется залихватским, лихорадочным ликованием, которого она никак от себя не ожидала. *Теперь только вперед.*

Она делает знак Джафари, чтобы тот поднял щиток шлема, и сама поднимает свой. Это против всех правил, но Гвенди нужно лишь пару секунд, и ей так хочется ему сказать... Ей необходимо сказать это вслух.

– Джаф! Мы увидим звезды!

Астроном улыбается.

– Божьей милостью, Гвенди. Божьей милостью.

После визита Пита Райли Гвенди начала изучать информацию о Поле Магоуэне, младшем сенаторе-республиканце от штата Мэн. Чем больше она узнавала, тем противнее ей становилось. Будь Гвенди моложе, она и вовсе пришла бы в ужас. Даже теперь, в пятьдесят восемь лет, имея немалый опыт в политике, она периодически впадала в ступор.

Ярый защитник бюджетно-налогового консерватизма, Магоуэн во всеуслышание заявлял, что не допустит, чтобы сторонники прогрессивного налогообложения лишили будущего внуков его избирателей, но при этом не возражал против вырубки мэнских лесов и коммерческого рыболовства на охраняемых природных территориях. Видимо, он полагал, что пресловутые внуки, о чьем будущем он так заботился, сумеют как-то решить эти проблемы, когда придет время. Он обещал, что при содействии президента Трампа и других «друзей американской экономики» добьется, чтобы в Мэне снова открылись текстильные фабрики «по всему штату от Киттери до Форт-Кента».

Он упорно отмахивался от вопросов, связанных с опасностью кислотных дождей и загрязнения рек, где уже были явления чудес в облике двухголовых лососей – в середине двадцатого века, когда текстильные фабрики работали круглосуточно семь дней в неделю. Если кто-то интересовался, как

продукция этих фабрик сможет конкурировать с дешевыми тканями, импортируемыми из Китая, Магоуэн отвечал: «Мы запретим импорт любых товаров из Китая, кроме свинины му-шу и цыплят генерала Цо».

Люди на самом деле смеялись и аплодировали этому бреду.

За просмотром именно этого конкретного видео на ютьюбе Гвенди вспомнила, что сказал Пит Райли, когда приезжал к ней в декабре 2018-го: *Люди отвергают науку, отвергают борьбу за права женщин, отвергают само понятие равенства. Они всеми силами отворачиваются от правды. Кто-то должен возвысить голос и ткнуть их носом в те вещи, в которые им удобнее и проще не верить.*

Гвенди решила, что этим «кем-то» будет она, но когда Пит позвонил в марте 2019-го, сказала ему, что пока еще думает.

– Не затягивайте с решением, – сказал Пит. – В политике промедление смерти подобно, как вам известно. И если вы все же решитесь участвовать, мне бы хотелось возглавить ваш избирательный штаб. То есть если вы не возражаете.

– Как я могу отказать человеку с такой великолепной улыбкой?

– Тогда я готов приступить к делу.

– Позвоните в апреле, и я скажу, что решила.

Пит застонал, словно она наступила ему на ногу.

– Почему так долго?

– Мне нужно тщательно все обдумать. И посоветоваться

с мужем.

Хотя Гвенди заранее знала, что скажет Райан.

На самом деле сначала ей надо было закончить книгу, «Город ночи» (да, такое название уже было у Джона Речи, но можно и повторить, потому что название и вправду роскошное), а потом уже спокойно готовиться к бою. Потому что она собиралась дать бой действующему сенатору Полу Магоуэну – и стоять до конца, пусть даже ее шансы на победу равнялись нулю.

Она сказала Райану о своем решении, и он отреагировал именно так, как она и ожидала.

– Я схожу за вином. Дорогим и хорошим вином. Это надо отметить. *Леди и джентльмены, Гвенди Питерсон ВЕРНУЛАСЬ!*

Небо в ближайшем к Гвенди иллюминаторе уже совсем темное. Темнее темного. «Темнее, чем в заднице у енота», как сказал бы Райан. Кабина кренится еще сильнее, кресло компенсирует крен, и внезапно все три экрана, раньше висевшие над головой, оказываются непосредственно перед глазами у Гвенди. Грохот двигателей умолкает, и если бы не фиксирующие ремни, Гвенди воспарила бы над креслом. Ощущения точно такие же, как на «русских горках», когда кабинка несется вниз по отвесному склону, только там они быстро проходят, а тут – нет.

– Экипаж, уже можно снять шлемы, – говорит Сэм. – Если хотите, можете расстегнуть скафандры, но пока не снимайте их.

Гвенди снимает шлем... и наблюдает, как он плывет в воздухе перед ней, медленно поднимаясь к потолку. Оглядевшись по сторонам, она видит еще три уплывающих шлема. Гарет Уинстон хватается свой и тащит вниз.

– Черт, и что мне с ним делать? – Его голос дрожит.

Даже Гвенди помнит, что надо делать, а уж Уинстон тем более должен помнить. Все отработано на тренировках.

– Отсек под креслом, – говорит Реджи Блэк.

– Ага. – Уинстон не добавляет «спасибо». Видимо, такого слова вообще нет в его лексиконе.

Гвенди находит на ощупь дверцу багажного отсека, открывает ее, убирает шлем внутрь и ждет щелчка, подтверждающего, что магнитный кружок на шлеме притянуло к соответствующему магниту на стенке отсека, на удивление просторного. Там достаточно места и для скафандра, но сейчас Гвенди кладет туда только стальной чемоданчик вместе с его опасным содержимым. Закрывая дверцу, она придерживает чемоданчик рукой, чтобы тот не улетел, как надутый гелием воздушный шарик.

Сталь летает, изумленно думает она. Боже правый, я нахожусь в таком месте, где сталь летает.

– Сенатор Питерсон, – зовет Кэти. – Гвенди. Подойдите сюда. Хочу кое-что вам показать. Помните, как надо передвигаться?

Гвенди не помнит. Напрочь забыла. Хотя должна помнить.

Ее выручает физик Реджи Блэк:

– Как будто плывете брассом, но медленно. И осторожнее, чтобы...

Теперь она вспоминает.

– Чтобы не задеть головой кнопку «ЛИКВИДАЦИЯ КОРАБЛЯ».

Они так шутили на подготовке к полету.

– Да, – улыбается Адеш. – Ее лучше не задевать.

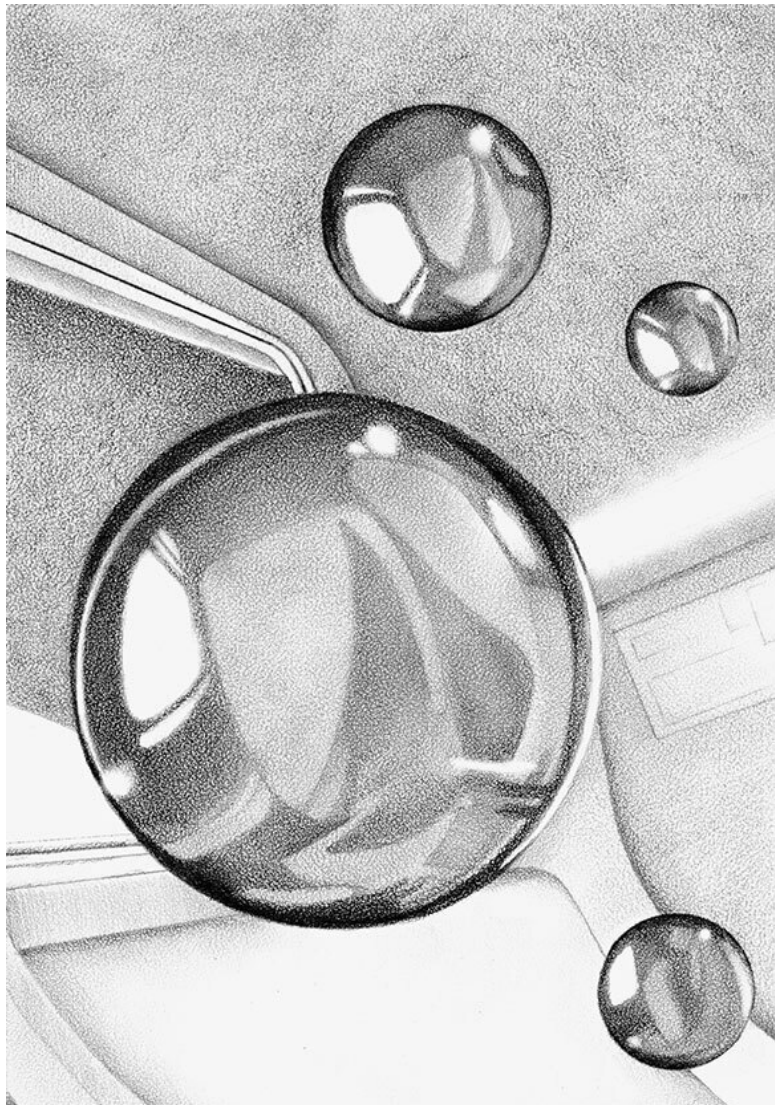
Уинстон угрюмо молчит. Он явно злится, что его не позвали в капитанскую рубку первым; он все-таки платный пас-

сажир. При всех его миллиардах он сейчас похож на надувшегося губы обиженного ребенка.

Гвенди отстегивает ремни и смеется, медленно поднимаясь над креслом. Она подтягивает колени к груди, как ее учили на подготовке к полету, и делает неторопливый кувырок вперед. Вытягивает ноги. Как будто ложится на живот в кровати, только никакой кровати тут *нет*. И ей не приходится загребать руками. Джафари хватает ее за лодыжку и легонько подталкивает вперед. Смеясь от восторга, Гвенди плывет в воздухе в верхнюю часть кабины (которая теперь стала передней частью) над головами Реджи, Берна и доктора Глена. *Как будто во сне*, думает она.

Ухватившись за спинку кресла Дэвида Грейвса, она подтягивается в промежуток между креслами Кэти и ее первого помощника, чье имя вылетело у нее из головы. Что-то связанное с водой⁴, но что именно, она не помнит.

⁴ Фамилия Сэма Дринкуотера в дословном переводе на русский звучала бы Пейвода.

Над панелью управления нет иллюминаторов, вместо них – узкое окошко. Даже не окошко, а как бы прорезь размером четыре фута на шесть дюймов.

– На вашем центральном экране видно лучше, – тихо говорит Кэти, – и на планшете. Но я подумала, что в первый раз это надо увидеть вживую. Тем более что эти полеты стали возможны во многом благодаря вам.

У меня был свой интерес, думает Гвенди. Космические исследования, развитие науки и расширение человеческих знаний – да, безусловно. Но есть еще кое-что.

На один жуткий миг у нее не получается вспомнить, что именно. Хотя это самое важное в ее жизни. Но потом все тревоги уходят, потому она смотрит в окошко и видит внизу... да, теперь определенно внизу.

Ее родная планета висит в пустоте, сине-зеленый шар, укутанный в белые шарфы облаков. Гвенди, конечно, видела фотографии, но реальность – непосредственная *реальность* – просто ошеломляет. Где-то там, в пустоте черного космоса, есть удивительный мир, полный жизни – невероятной, прекрасной, бесценной.

– Это Тихий океан, – говорит второй помощник, и теперь, когда Гвенди уже не пытается вспомнить, как его зовут, имя само всплывает в голове: Сэм Дринкуотер.

– Почему Америка так быстро исчезла, Сэм?

– Все дело в нашей скорости. Сейчас под нами проходят

Гавайи. Скоро будет Япония.

Гвенди смотрит на облака, на белый вихрь посреди синего океана, и вспоминает муссон, который видела на экране своего ноутбука, когда ей не спалось вчера ночью и она проверяла погодные данные. Но это не компьютерный монитор, это вид с высоты Божьего взгляда.

– Вот она, чистая красота, – говорит Гвенди и плачет. Слезы уплывают вверх и сверкают у нее над головой, как чистейшие бриллианты.

Само собой, оппозиция не дремала.

Это было неудивительно, поскольку Гвенди была единственным конкурентоспособным кандидатом от демократов. При поддержке мужа она объявила о намерении баллотироваться в сенат в августе 2019-го. Она произнесла речь со сцены летней эстрады в городском парке Касл-Рока, где всегда объявляла о выдвижении своей кандидатуры на выборах в палату представителей. На собрании присутствовали репортеры всех крупных телеканалов штата, плюс несколько блогеров и даже корреспондент федеральной службы новостей, который, скорее всего, приехал в Мэн совсем по другим делам и случайно оказался в Касл-Роке: Мигель Альмагер из «Эн-би-си нюз». Пришло много народу из местных, которые всячески подбадривали Гвенди. Она заметила даже несколько самодельных транспарантов. Самый лучший держала в руках ее давняя подруга Бриджит Дежарден: «ВПЕРЕД, МЭН! ВСЕ ЗА ГВЕНДИ!»

Освещение ее речи на телевидении получилось очень даже неплохим (тем же вечером местные каналы показали десятиминутные сюжеты). Комментарий Пола Магоуэна был краток и снисходителен: «Добро пожаловать в гонку, малышка, по крайней мере, у вас есть ваши книжки, к которым можно вернуться, когда все закончится».

Сам Магоуэн не торопился разворачивать свою предвыборную кампанию, приберегая «тяжелую артиллерию» на будущий год, потому что жители Мэна традиционно начинают интересоваться местной предвыборной гонкой не раньше чем месяца за три-четыре до выборов, но 27 августа, на следующий день после заявления Гвенди, штаб Магоуэна все-таки дал первый залп. Все их газетные публикации на целую полосу и минутные ролики на телевидении начинались с объявления, что «любимая писательница штата Мэн баллотируется в сенат США!».

Далее шли цитаты из «Розы с шипами», вышедшей в 2013 году в издательстве «Викинг». Гвенди особенно позабавили зловещие интонации диктора, читавшего текст в телевизионных сюжетах.

*Эндрю обнял ее со спины и решительно положил руку на ее голый живот. Другой рукой он ласкал ее **бип**, пока она не застонала.*

*«Я хочу, чтобы ты меня **бип**, – сказала она. – И не прекращай, пока я не **бип**».*

*Он подхватил ее на руки, отнес в спальню и швырнул на кровать. Перевернувшись на бок, она схватила его за **бип** и прошептала, тяжело дыша: «Скорее, Энди. Я не могу больше ждать».*

Под выдержками из книги в газетных статьях и внизу телеэкрана, на котором стоп-кадром застыла максимально нелестная фотография Гвенди (рот открыт, глаза прищурен-

ны, выражение лица как у умственно отсталой), шла надпись: «РАЗВЕ В ВАШИНГТОНЕ НЕ ДОСТАТОЧНО ПОРНОГРАФИИ?»

Гвенди рассмешили эти грубые нападки. Ее муж не смеялся.

– Тебе надо подать на них в суд за очернение репутации, – сказал он, с отвращением отшвырнув в сторону портлендскую «Каррент».

– Они только обрадуются, если я изваляюсь в грязи вместе с ними. – Гвенди взяла газету и зачитала вслух избранные места. – Знаешь, что это доказывает?

– Что Магоуэн ничем не гнушается? – Райан все еще злился. – Что он готов на любую низость?

– Это понятно, но я сейчас о другом. Все дело в контексте. «Роза с шипами» все-таки лучше, чем ее тут представляют. Может быть, ненамного, но все же.

В следующие недели корреспонденты неоднократно задавали Гвенди вопросы о так называемой порнографии, и Гвенди всегда с улыбкой отвечала:

– Исходя из количества голосов у сенатора Магоуэна на прошлых выборах можно с уверенностью заключить, что он не делает разницы между порнографией и политикой. И раз уж мы заговорили о порнографии, спросите у него при случае, как он относится к романтической связи своего друга Дональда Трампа со Сторми Дэниелс. У него наверняка есть что сказать.

Как оказалось, Магоуэну было практически нечего сказать о Сторми Дэниелс, и постепенно все улеглось и забылось, как это часто бывает с бурями в стакане воды. Обе избирательные кампании временно впали в спячку осенью 2019-го, когда после роскошного бабьего лета наступили первые заморозки. Возможно, Магоуэн еще воспользуется тщательно подобранными отрывками из книги Гвенди, когда предвыборная гонка начнется всерьез, а может, и нет, с учетом ее едких ответных реплик.

В День благодарения Гвенди и Райан помогали накрывать праздничный стол в портлендском приюте для бездомных на Оксфорд-стрит. Они вернулись в Касл-Рок очень поздно, и Райан сразу лег спать. Гвенди надела пижаму и тоже собралась ложиться, но поняла, что слишком взвинчена и все равно не уснет. Она решила спуститься на кухню и выпить вина – буквально два-три глотка, чтобы снять мандраж, который до сих пор ощущала после публичных мероприятий, хотя, казалось бы, за столько лет можно привыкнуть.

На кухне ее дожидался Ричард Фаррис.

Все в той же одежде, в той же маленькой черной шляпе, но в остальном он изменился. Он постарел.

И казался *больным*.

Развернувшись, чтобы плыть обратно на свое место, Гвенди чуть не сталкивается лоб в лоб с Гаретом Уинсоном, который болтается в воздухе прямо у нее за спиной.

– Дорогу большому дядьке, сенатор!

Гвенди отодвигается вбок, берется за поручень и, перебирая руками, подтягивается к своему креслу. Уинстон втискивается между спинками кресел Грейвса и Дринкуотера. Смотрит в узкое окошко и говорит:

– Хм. Из иллюминатора вид получше.

– Вот и смотрите в иллюминатор, – отвечает Кэти. – А отсюда пусть смотрят те, кому не досталось иллюминаторов.

Дэйв Грейвс следит за колонками компьютерных цифр и вполголоса беседует с Сэмом, но на миг отрывается от экрана, смотрит на Гвенди и сигналист бровями. Она не уверена, что этот сигнал точно означает: *Три недели в компании этого парня – готовьтесь к веселью*, но, скорее всего, так и есть. В Вашингтоне Гвенди общалась со многими богачами – их тянет к власти, как мотыльков на свет, – и в основном это нормальные люди; им хочется нравиться окружающим. Видимо, Гарет – то самое исключение, которое лишь подтверждает правило.

Гвенди хватается за спинку кресла, делает аккуратный разворот (в невесомости ее шестидесятичетырехлетнее тело

вновь ощущается сорокалетним) и садится на место. Закрепляет ремни безопасности и расстегивает скафандр до пояса. Достает записную книжку из кармана красной толстовки с эмблемой «Орла». Не потому, что ей прямо сейчас нужно справиться с записями, а просто чтобы убедиться, что книжка на месте. В этой книжке содержится вся информация: имена, категории, прочие данные.

Пока что ей не особенно нужны эти записи, но она много читала о своей прогрессирующей болезни и знает, что когда-нибудь они ей понадобятся. Когда ее мозг начнет отключаться уже всерьез. *Карбин-стрит, 1223*. Ее адрес. *Пиппа*, кличка папиной старой таксы. *Хоумленд*, кладбище, где похоронена мама. Список ее лекарств, которые, видимо, сейчас лежат в ее крошечной личной каюте вместе с тем малым количеством одежды, что разрешается брать в полет. Никаких телефонных номеров, здесь нет сотовой связи с Землей (хотя Айлин Брэдок уверяет, что через год или два эта услуга будет доступна), но в книжке есть полный список всех функций ее телефона и перечень ее обязанностей как метеоролога космической экспедиции. Может быть, это надуманная работа, но Гвенди намерена выполнять ее хорошо.

Самая важная запись в ее книге памяти (так Гвенди называет свою записную книжку) сделана красными чернилами и обведена в рамку: *1512253*. Это код, отпирающий стальной чемоданчик, который не открывается никак иначе. От одной только мысли, что она забудет эту комбинацию цифр и не

сможет добраться до пульта управления внутри, Гвенди обмирает от ужаса.

Адеш уселся на место Уинстона и смотрит в его иллюминатор. Джафари Банколе тоже смотрит в иллюминатор поверх плеча Адеша. С той стороны Земля сейчас не видна, но доктор Глен перебрался в их задний ряд и смотрит в свободный иллюминатор с другой стороны.

– Потрясающе. *Потрясающе*. Совсем не так, как на снимках и даже на видео, да?

Гвенди кивает и открывает свою записную книжку на странице с именами членов экипажа, потому что помнит фамилию доктора, но не помнит его имя. И еще Реджи Блэк... какая у него должность? Еще пару минут назад Гвенди помнила, а теперь снова забыла.

Из записной книжки выплывает перо. Уинстон, который уже возвращается на свое место, тянет руку, чтобы его схватить.

– Не трогайте, – резко произносит Гвенди.

Уинстон как будто не слышит. Он хватает перо, с любопытством рассматривает и возвращает Гвенди.

– Что это?

– Перо. – Гвенди еле сдерживается, чтобы не добавить: *Вы что, слепой?* Ей придется тесно общаться с этим человеком еще три недели, и очень важно, чтобы он остался доволен и поддержал космическую программу. Если они обнаружат признаки жизни в Солнечной системе – или за ее предела-

ми, – все будет иначе, но пока так. – Я использую его вместо закладки.

– Наверное, ваш счастливый талисман?

Его пронизательность тревожит ее и немного пугает.

– Как вы догадались?

Он улыбается.

– У вас на лодыжке есть татуировка с пером. Я заметил в спортзале, когда вы занимались на тренажере.

– Оно мне нравится, скажем так.

Уинстон кивает, вроде бы потеряв интерес к разговору.

– Джентльмены, могу я занять свое место? У своего иллюминатора?

Он делает небольшое, но вполне недвусмысленное ударение на «свое» и «своего».

Адеш и Джафари освобождают его место, как две форели, уступающие дорогу не в меру упитанному тюленю.

– Поразительно, – говорит Адеш Гвенди.

Она согласно кивает.

Когда у нее появляется место для маневра, Гвенди снова отстегивает ремни и снимает скафандр. В процессе ненамеренно кувыркается через голову и думает, что невесомость – не такая уж классная штука на самом деле. Она убирает скафандр в багажный отсек под креслом, где уже лежат шлем и стальной чемоданчик, и отправляется на следующий – последний – уровень, где будет располагаться комната отдыха для пассажиров последующих орбитальных рейсов... и, воз-

можно, рейсов к Луне. Такие удобства предусмотрены только на туристических лайнерах, их нет и не будет на кораблях, следующих прямым рейсом к космической станции с рабочими миссиями.

На удивление просторный общий отсек имеет форму цилиндрической капсулы. В пол вмонтированы два огромных экрана, на одном – черная пустота космического пространства, на другом – Мать-Земля крупным планом под кисеёй атмосферы (чуть грязноватой, отмечает про себя Гвенди). Две отдельных каюты располагаются по левому борту, третья каюта и туалет – по правому. Глянцевые белые двери напоминают шкафчики в морге из детективных телесериалов, которые так любит Гвенди. На двери туалетной кабинки висит табличка: «ПЕРЕД ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ ВСЕГДА ПРОВОДИТЕ КОНТРОЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ».

Гвенди пока не хочется в туалет. Легонько дернув ногами, она плывет к двери с табличкой «СЕН. ПИТЕРСОН». Дверная ручка напоминает ручку на дверце холодильника. Гвенди открывает дверь и, оттолкнувшись от нее, всплывает внутрь. Каюта – а скорее закуток – тоже имеет форму цилиндрической капсулы, только совсем крошечной. Вот уж действительно клаустрофобное помещение. На этот раз Гвенди вспоминаются жилые отсеки подводных лодок из фильмов о Второй мировой войне. В каюте есть койка с ремнями, чтобы спящий не улетел к закругленному потолку футом выше, микроскопический холодильник на три-четыре буты-

лочки сока (может, еще и на сэндвич, если удастся его запихнуть) и – надо же! – капсульная кофемашина. *Кофе прямо в каюте*, думает Гвенди. *Верх роскоши в космических путешествиях.*

На крошечном холодильнике надежно держится на магните фотография в стальной рамке: Райан, Гвенди и ее родители на пляже в Рейд-Стейт-парке. Стоят в обнимку все четвером и смеются.

Скоро Гвенди приступит к своим метеорологическим обязанностям, но сейчас ей надо морально настроиться, сосредоточиться и освежить в памяти информацию по экипажу. Она ложится на койку и пристегивается ремнями. Где-то снаружи негромко гудят механизмы, но в закрытой прохладной каюте-капсуле царит почти зловещая тишина. Их корабль летит по орбите со скоростью несколько тысяч миль в час, но внутри самого корабля нет ощущения движения. Гвенди открывает свою красную записную книжку и листает страницы с данными об экипаже. Имена и краткие биографии. Реджи Блэк – физик. Конечно, физик. Доктора Глена зовут Дейл. Проще простого, ясно как день. Прозрачно, как свежевывмытое окно... только все может забыться уже через час. Или даже через пятнадцать минут.

Наверное, я и вправду сошла с ума, если все это затеяла, размышляет она. Я и вправду сошла с ума, если скрываю свое состояние. Но он не оставил мне выбора. Только ты, Гвенди, сказал он. Мне больше не к кому обратиться. И я согла-

силась. На самом деле мне даже понравилась эта идея. Вот только...

– Только тогда у меня было все хорошо с головой, – шепчет Гвенди. – По крайней мере, мне так казалось. Господи, помоги мне со всем этим справиться.

Здесь, на верхнем пределе, после того, что она видела с высоты – Землю, такую хрупкую и красивую в черной пустоте, – легко поверить, что некий Бог все-таки существует.

– Что... – начала Гвенди, сама толком не зная, что скажет дальше: *Что вы здесь делаете?* или *Что с вами?* Но Фаррис не дал ей договорить.

Он приложил палец к губам, шепнул: «Тсс!» – и поднял взгляд к потолку.

– Не разбуди мужа. Пойдем на улицу.

Он с трудом поднялся из-за стола, покачнулся, и Гвенди испугалась, что он сейчас упадет. Но он все-таки устоял на ногах и тяжело задышал. Его сухие, потрескавшиеся губы – какая-то экзема? – слегка приоткрылись, обнажив желтоватые зубы. Несколько зубов не хватало.

– Под столом. Возьми с собой. Быстрее. Времени мало.

Под столом лежала холщовая сумка. Гвенди сразу ее узнала, хотя в последний раз видела эту сумку, когда ей самой было двенадцать. Сорок пять лет назад. Она наклонилась и подняла сумку за веревочную завязку. Неуверенной, шаткой походкой Фаррис направился к двери на заднее крыльцо. У двери стояла трость, прислоненная к стене. Можно было бы ожидать, что у такого невероятного существа – словно вышедшего прямоком из волшебной сказки – будет роскошная трость, возможно, с серебряным набалдашником в виде волчьей головы. Но это была самая обыкновенная трость с закругленной ручкой и истертым резиновым наконечником.

Фаррис оперся на нее, потянулся к дверной ручке и снова чуть не упал. Черный пиджак, черные джинсы, белая рубашка: когда-то этот наряд сидел как влитой, придавая ему такую небрежную элегантность, а теперь болтался на нем, как обноски на огородном пугале.

Гвенди взяла его под руку (такую худую под рукавом пиджака!) и сама открыла дверь. Эта дверь, как и все остальные в доме, была заперта, когда они с Райаном уходили – не забыв включить охранную сигнализацию, – но сейчас замок открылся сразу, а на индикаторной панели не горел ни один огонек, даже в окошке для сообщений не было надписи «РЕЖИМ ОЖИДАНИЯ».

Они вышли на заднее крыльцо, откуда еще не убрали плетеную летнюю мебель, хотя уже близились холода. Ричард Фаррис попытался сесть в кресло, но ноги не слушались, и он скорее упал на сиденье, издав тихий болезненный стон, когда его пятая точка соприкоснулась с подушкой. Он судорожно вдохнул, подавил приступ кашля, прикрыв рот рукавом (в пятнах засохшей мокроты после многочисленных приступов) и посмотрел на Гвенди. Его глаза были такими же, как и прежде. Глаза и еле заметная улыбка.

– Нам надо поговорить.

В их самую первую встречу он сказал по-другому. Тогда он сказал: *Эй, девочка. Иди сюда. Есть разговор.* Гвенди подумала, что *надо поговорить* – это уже другой уровень по сравнению с *есть разговор*.

Гвенди закрыла дверь, уселась на подвесные качели, положила холщовую сумку себе под ноги и задала те вопросы, которые не успела задать на кухне, когда Фаррис ей напомнил, что наверху спит ее муж.

– Что с вами случилось? Зачем вы пришли?

Он сумел улыбнуться.

– Узнаю нашу Гвенди. Прямоком к сути дела. Что случилось со мной – это не важно. Я пришел потому, что, как сказал бы тот мудрый зеленый Йода, «возмущения в равновесии Силы чувствую я». Боюсь, мне придется тебя попросить...

Он закашлялся и не сумел договорить. От кашля все его исхудавшее тело вздрагивало и тряслось, и Гвенди снова подумала, что он похож на огородное пугало. Теперь – на пугало, которое треплут осенние ветра.

Она приподнялась над сиденьем качелей.

– Я принесу вам воды...

– Нет, не надо.

Он справился с кашлем. После такого сильного приступа его щеки должны были гореть огнем, но его лицо оставалось мертвенно-бледным. Под глазами темнели черные круги.

Фаррис пошарил в кармане пиджака и достал пузырек с таблетками. Но снова закашлялся, и пузырек выпал из его слабых пальцев. Покатился по полу и остановился у холщовой сумки под ногами Гвенди. Она наклонилась и подняла пузырек. Обычный аптечный флакончик темно-коричневого стекла, но со странной надписью на этикетке. Вереница

каких-то значков вроде рун, от которых у Гвенди почему-то кружилась голова. Она крепко зажмурилась, открыла глаза и увидела слово «**ДИНУТИЯ**», которое ничего для нее не значило. Она моргнула, и на этикетке вновь появились кружащие голову руны.

– Сколько штук?

Фаррис кашлял так сильно, что не мог говорить, но показал два пальца. Гвенди открыла пузырек и вытряхнула две маленькие таблетки, похожие на «Ранексу», которую ее папа принимал от ангины. Она положила их на протянутую ладонь Фарриса (ладонь была совершенно гладкой, без всяких линий), а когда он закинул их в рот, с тревогой заметила на его губах мелкие капельки крови. Он проглотил лекарство, сделал глубокий вдох, потом еще один, глубже. У него на щеках появился слабый румянец, и теперь Фаррис стал хоть немного похож на себя прежнего, на того человека, которого Гвенди впервые увидела в парке Касл-Вью, у верхней площадки Лестницы самоубийц, много лет назад.

Его кашель утих, а потом прекратился совсем. Он протянул руку, чтобы забрать пузырек. Прежде чем закрыть крышку, Гвенди заглянула внутрь. Там оставалось всего шесть таблеток. Может быть, восемь. Фаррис убрал пузырек во внутренний карман пиджака, откинулся на спинку кресла и уставился в темноту за пределами крыльца.

– Ну вот, уже лучше.

– Это сердечное лекарство?

– Нет.

– Лекарство от рака?

Ее мама принимала «Онковин» и «Абраксан», хотя они были совсем не похожи на маленькие белые таблетки из пужырька Фарриса.

– Если тебе действительно интересно, Гвенди – ты всегда была любознательной, – со мной происходит много чего нехорошего, и все нахлынуло разом. Годы, которые раньше все прощали – а их было много, – теперь берут свое. Ломятся, словно голодные посетители в ресторан. – Он улыбнулся своей обаятельной тонкой улыбкой. – А я – их буфет.

– *Сколько* вам лет?

Фаррис покачал головой.

– У нас есть куда более важные темы для обсуждения, а времени у меня мало. Случилась беда, и причина беды – эта самая штука в сумке у тебя под ногами. Помнишь нашу последнюю встречу?

Да, Гвенди помнила. Это было на Южном портлендском аэродроме, она сидела на скамейке у входа, ждала Райана, который парковал машину. Гвенди сторожила багаж, в том числе – сумку, где лежал пульт управления. Ричард Фаррис уселся рядом и объявил, что у него мало времени и ему надо успеть сказать самое главное, пока их не прервали. К концу разговора пульт управления исчез из сумки Гвенди. Просто взял и исчез. И сам Фаррис тоже исчез, растворился в воздухе. Гвенди на секундочку отвернулась, а когда повер-

нулась обратно, его уже не было. Тогда она думала, что никогда больше его не увидит.

– Да, помню.

– Двадцать лет назад. – Он говорил очень тихо, но уже не хрипел, у него не тряслись руки, и лицо стало более-менее нормального цвета. Гвенди знала, что это лишь временное улучшение: она ухаживала за мамой во время ее последней болезни, и теперь папа медленно (но верно) угасал у нее на глазах. Таблетки могут помочь, но ненадолго. – Тогда ты была депутатом в нижней палате конгресса, одной из многих. Теперь у тебя в руках будет настоящая власть.

Гвенди тихонько рассмеялась. Ричард Фаррис многое знает, но если думает, что она победит Пола Магоуэна на выборах в сенат США, значит, совершенно не разбирается в нынешних политических настроениях штата Мэн.

Фаррис улыбнулся, как будто знал, о чем она сейчас думает (мысль тревожная и, скорее всего, верная). А потом перестал улыбаться.

– Когда пульт оказался в твоих руках в первый раз, он пробыл у тебя шесть лет. Выдающееся достижение. После той нашей встречи в аэропорту он сменил семерых хранителей.

– Во второй раз он пробыл у меня совсем недолго, – сказала Гвенди. – Но успел спасти жизнь моей маме. Я до сих пор верю, что это он ее спас.

– Тогда был экстренный случай. И сейчас тоже. – Фаррис с отвращением ткнул мыском туфли в холщовую сумку под

ногами Гвенди. – Этот пульт. Чертов пульт. Как я его ненавижу! Как меня от него *воротит*!

Гвенди не знала, что на это ответить, но знала, что чувствует: страх. Ей сразу вспомнилось старое мамино присловье. Это О. Н. Очень нехорошо.

– С каждым годом он набирает силу. С каждым годом его способность творить добро убывает, а способность творить зло, наоборот, прирастает. Помнишь черную кнопку, Гвенди?

– Конечно, помню. – У нее вдруг онемели губы. – Я называла ее Раковой кнопкой.

Он кивнул.

– Подходящее название. Кнопка, которая уничтожает все. Не только жизнь на Земле, но саму Землю. И с каждым годом хранителей пульта все сильнее тянет ее нажать.

– Не надо так говорить. – Ее голос дрогнул, и она чуть не расплакалась. – Пожалуйста, мистер Фаррис, не надо так говорить.

– Думаешь, мне приятно это говорить? Думаешь, мне приятно взваливать на тебя... прощу прощения за мой французский... этот мудацкий пульт в третий раз? Но я вынужден, Гвенди. Просто мне больше не к кому обратиться. Кроме тебя я никому больше не доверяю, и ты единственная, у кого, возможно – я подчеркиваю, *возможно*, – все получится. А дело совсем непростое.

– Что надо делать? – Она хотела сначала все выяснить,

а потом уже решать. Если она вообще что-то решает; если он просто оставит ей пульт, волей-неволей придется его хранить.

Нет, подумала она, я не буду его хранить. Я набью сумку камнями и утоплю в озере Касл.

– Семь хранителей с двухтысячного года. И срок хранения с каждым разом становился все меньше. Пятеро покончили с собой. Один забрал с собой всю семью. Жену и троих детей. Застрелил их из ружья, а потом застрелился сам. Полиция отправила переговорщика, и тот человек заявил, что не хотел никого убивать, но пульт управления его заставил. Они, конечно, не поняли, о чем он говорит. Когда они ворвались в дом, пульта там уже не было. Я его забрал.

– Господи боже, – прошептала Гвенди.

– Один из бывших хранителей сейчас лечится в психиатрической клинике в Балтиморе. Он бросил пульт в печь крематория. Что, конечно же, не помогло. Я сам поместил его в клинику. Седьмая хранительница, последняя, буквально месяц назад... Мне пришлось ее убить. Я этого не хотел, вся ответственность лежит на мне. Без меня она бы не стала такой. Но у меня не было выбора. – Фаррис помедлил. – Гвенди, ты помнишь, что означают цвета? Не красный и черный, а все остальные. Красный и черный ты помнишь, я знаю.

Да, она помнила. Красная кнопка исполняет любое желание, и хорошее, и плохое. Черная означает полное уничтожение, конец всему. Гвенди помнила и остальные цвета.

– Они означают части света, – сказала она. – Светло-зеленая кнопка: Азия. Темно-зеленая: Африка. Оранжевая: Европа. Желтая: Австралия. Синяя: Северная Америка. Фиолетовая: Южная Америка.

– Да. Хорошо. Ты все схватываешь на лету, и так было всегда. Позже все переменится, но если ты будешь бороться... изо всех сил, до последнего...

– Не понимаю, о чем вы сейчас говорите.

Гвенди подумала, что, наверное, действие его таблеток уже заканчивается.

– Это не важно. Последним хранителем была женщина по имени Патриция Вашон, из Ванкувера. Она работала в школе, учила умственно отсталых детей, и во многом была похожа на тебя, Гвенди. Здравомыслящая, волевая, упорная, принципиальная, с несгибаемым внутренним стержнем. Она ненавидела несправедливость и хотела, чтобы все было правильно, но не кипела праведным негодованием, если ты понимаешь, что я пытаюсь сказать.

Она понимала.

– Если уподобить жизнь игре в шахматы, где черные фигуры сражаются против белых, Патриция Вашон твердо стояла на стороне белых. Я думал, что из нее даже получится белая королева, какой была ты. Патриция была чернокожей, но однозначно белой фигурой. На стороне света. На стороне добра. Понимаешь?

– Да.

Гвенди плохо играла в шахматы и постоянно проигрывала Райану, когда тому удавалось уговорить ее с ним сыграть, но отлично усвоила правила шахмат реальной жизни за время работы в конгрессе. Там поневоле научишься просчитывать ситуацию на три хода вперед. Иногда на четыре.

– Я думал, она идеально подходит на роль хранителя, – продолжал Фаррис. – Что она будет удерживать пульт много лет, и, быть может, пока он у нее, мы успеем решить, как избавиться от него навсегда.

– Мы? Кто это – *мы*?

Фаррис пропустил вопрос мимо ушей.

– Я ошибся. Не насчет Патриции, а насчет пульта. Я недооценил его растущую мощь. Я должен был сообразить. С учетом того, что случилось с другими хранителями после тебя, Гвенди, уже можно было понять... Но Патриция Вашон казалась такой *крепкой*. Однако пульт сломал и ее тоже. Еще до того, как я выстрелил ей голову, она уже была сломленной. Моя ошибка, моя вина.

По его бледным морщинистым щекам потекли слезы. Гвенди смотрела и не верила своим глазам. Это был уже не тот человек, которого она знала. Он был...

Сломлен, подумала она. *Он тоже сломлен. И, кажется, он умирает.*

– Она собиралась нажать черную кнопку. Она боролась. Боролась отчаянно – *героически*, – но когда я стрелял, ее палец уже лежал на кнопке. И она на нее давила. К сча-

стью – можно сказать, чудом, ниспосланным свыше, – кнопки на пульте нажимаются туго. Очень туго. Ты наверняка помнишь.

Да, Гвенди помнила. Когда она в первый раз попыталась нажать кнопку – красную кнопку, ради эксперимента, – то подумала, что это просто какая-то шутка и кнопки наверняка бутафорские. Но оказалось, что это не шутка. Если не считать шуткой несколько сотен смертей в маленькой южноамериканской стране Гайане. Даже теперь, по прошествии стольких лет, Гвенди не знала, какова была степень ее вины в массовой гибели людей в Джонстауне. Не знала и не хотела знать.

– Как вы узнали, что происходит и что ее надо остановить?

– Я слежу за пультом управления. Когда нажимают кнопку, мне об этом известно. Даже когда только *думают* нажать кнопку, мне обычно приходит сигнал. Не всегда, но как правило. И есть еще один способ отслеживать.

– Когда сдвигаются рычажки?

Ричард Фаррис улыбнулся и кивнул.

На пульте управления было два маленьких рычажка. Один выдавал Моргановские серебряные доллары, всегда в идеальном состоянии – словно только что отчеканенные – и всегда только 1891 года. Второй рычажок выдавал крошечные шоколадки в виде зверюшек. Удержаться от такого чудесного угощения очень непросто, и теперь Гвенди стало понятно, что это был идеальный способ следить, как часто хра-

нитель пользуется пультом. Берет его в руки. Заражается... чем? Личинками? Микробами? Стремлением творить зло?

Да, именно так.

– Если хранитель слишком часто пользуется рычажками, чтобы получать шоколадки или монеты, это уже тревожный звоночек. Я знал, что происходит с Патрицией, и мне это не нравилось, но я думал, что мне хватит времени найти другого хранителя. Я снова ошибся. Пока я до нее добирался, она успела нажать одну из цветных кнопок. Может быть, просто чтобы снять напряжение. Пусть ненадолго, но отложить неизбежное. Бедная женщина.

Гвенди пробил озноб. Волоски у нее на затылке встали дыбом.

– Какую кнопку?

– Светло-зеленую.

– Когда?

Она сразу подумала об аварии на Фукусиме, когда после мощного землетрясения и цунами на электростанции расплавился атомный реактор. Но эта авария произошла семь лет назад, если не больше.

– В конце октября. Я ее не виню. Она продержалась, сколько смогла. Даже когда ее палец давил на эту светло-зеленую кнопку, она пыталась сопротивляться и мысленно умоляла: *Пожалуйста, только не взрыв. Только не землетрясение и не цунами. Только не извержение вулкана.*

– Вы слышали ее мысли. Телепатически.

– Когда прикасаются к кнопкам – даже кончиком пальца, – я, так сказать, подключаюсь к сети. Но я был далеко, занимался другими делами. Примчался к ней сразу, как только смог, и успел ее остановить, пока она не нажала черную кнопку. Раковую кнопку, как ты ее называешь. Но на азиатскую кнопку она нажала. Тут я опоздал.

Он провел рукой по редющим волосам, сдвинув набок свою черную шляпу, из-за чего стал похож на танцора чечетки из старинного мюзикла.

– Это было четыре недели назад.

Гвенди попыталась вспомнить, какие катастрофические события произошли в азиатских странах за прошедший месяц. Наверняка были бедствия, были смерти – но все-таки не настолько масштабные, чтобы вытеснить Дональда Трампа из главных новостей на всех телеканалах.

– Наверное, я должна знать, но не знаю, – сказала она. – Взрыв на нефтеперерабатывающем заводе? Может быть, газовая атака?

Она сама понимала, что это было бы мелковато. Не тот масштаб. С такой «мелочью» управляется красная кнопка.

Например, с тем же Джонстауном.

– Могло быть и хуже, гораздо хуже, – говорит Фаррис. – Она стойко держалась. Держалась против заведомо неодолимой силы с черной стороны доски. Но хорошего все равно мало. Пока умерли только двое, один из них – владелец рынка, который в Ухане называют «мокрым» рынком. Это ры-

нок, где...

– Продают мясо диких животных, я знаю. – Она чуть наклонилась вперед. – Это какая-то болезнь, мистер Фаррис? Что-то вроде БВРС⁵ или атипичной пневмонии?

– Это *эпидемия*. Пока умерли только двое, но многие заразились. Те, у кого нет симптомов, даже не знают, что они больны. Китайское правительство еще не уверено, но подозрения уже есть. Когда подозрения превратятся в уверенность, китайцы попытаются скрыть масштаб бедствия. В результате болезнь распространится по всему миру. Все будет очень и очень плохо.

– Что могу сделать я?

– Я тебе расскажу. И помогу, если смогу.

– Но ведь вы...

Ей не хотелось произносить это вслух, но он договорил за нее:

– Умираю? Да, похоже на то. Знаешь, что это значит?

Гвенди покачала головой, и почему-то ей вспомнилась мама и та ночь, когда они вместе смотрели на звезды.

Фаррис улыбнулся.

– Я тоже не знаю, девочка. Я тоже не знаю.

⁵ Ближневосточный респираторный синдром.

В детстве Гвенди и ее лучшая подруга Оливия Кепнес придумали игру в русалок и играли в нее в городском бассейне Касл-Рока. Они становились по грудь в воде, ледяной даже в августе, и по очереди опускались на дно. Пока одна сидела под водой, вторая произносила вслух секретные выдуманные слова или какие-то смешные бессмысленные фразы. Когда первой – русалке – уже не хватало воздуха, она выныривала и пыталась повторить, что говорила вторая. В этой игре не было ни победителей, ни проигравших. В нее играли просто ради забавы.

Именно эта давняя игра из детства вспоминается Гвенди, как только она открывает глаза и щурится от яркого света над головой. Она лежит на спине, одной рукой прижимая к груди свою книжку с записями для памяти. Из-за глянцевой белой двери доносится голос, с расстояния не больше полудюжины футов, но все равно он какой-то невнятный, далекий, как будто она его слушает из-под воды.

Приподняв голову, Гвенди смотрит по сторонам. Ее взгляд натывается на черную с серебряным кофемашину. Гвенди растерянно моргает. Она знает, что находится на космическом корабле – уж это она помнит, – но откуда здесь кофемашина?

Она пытается сесть, но ее держат ремни. На мгновение

Гвенди впадает в леденящую панику, но паника тут же сменяется облегчением. Она сама же и пристегнула ремни, когда ложилась на койку. Похоже, она задремала. Гвенди отстегивает ремни и тут же всплывает над узким матрасом. *Как ффея Динь-Динь*, мелькает в голове изумленная мысль.

Раздается гулкий стук в дверь, и с той стороны снова доносится приглушенный голос. Гвенди его не узнает – если честно, даже не может понять, женский он или мужской, – но там, за дверью, говорят что-то вроде: «Ведьмы пасутся на грядке». Даже в сером ватном тумане полусонного ступора Гвенди способна сообразить, что тут что-то не так.

В дверь снова стучат, на этот раз – громче, настойчивее. Тот же голос, в котором теперь слышны нотки тревоги, произносит: «Вредины сыграли в прятки».

Гвенди убирает записную книжку в карман и, легонько взбрыкнув ногами, подплывает к двери. Она тянется к дверной ручке и замечает, что в двери нет глазка. Почему-то это ее беспокоит, и она медлит, вдруг испугавшись непонятно чего. *Вот так и сходят с ума?*

Затаив дыхание, Гвенди приоткрывает тяжелую белую дверь. Адаш Патель и Гарет Уинстон прячут над полом комнаты отдыха, смотровые экраны чернеют у них под ногами, как две раскрытые голодные пасти. Мать-Земля, окруженная все той же белесой дымкой, которую Гвенди видела раньше, как бы подмигивает с расстояния в сотни миль и продолжает свое вращение.

Адеш подплывает ближе и спрашивает с искренним беспокойством:

– Гвенди, у вас все в порядке?

Это был его голос. Тот самый голос, который она слышала из-за двери каюты. За спиной у Адеша маячит Уинстон, в своем расстегнутом белом скафандре похожий на раздувшуюся зефирку. Расплывшись в улыбке, означающей «я круче тебя, и ты это знаешь», он говорит:

– Похоже, вам снились кошмары, сенатор.

Голос Гвенди звучит слишком бодро и потому неубедительно даже на ее собственный слух:

– Все в порядке, ребята. Просто я прилегла отдохнуть и задремала. С девочками так бывает в космических путешествиях.

– Эпидемия... из Китая? – Гвенди уставилась на тощего как скелет человека, сидевшего перед ней в плетеном кресле на заднем крыльце ее дома. – И насколько все плохо? Она дойдет до Америки?

– Распространится повсюду, – сказал Фаррис. – Трупы в черных мешках будут лежать штабелями в больничных моргах. Владельцам похоронных бюро придется задействовать грузовые авторефрижераторы, чтобы хранить тела.

– А что, вакцины не будет? Неужели мы не сумеем...

– Давай ты не будешь перебивать, – шикнул на нее Фаррис, продемонстрировав гнилые зубы. – Я же сказал, у меня мало времени.

Гвенди откинулась на спинку плетеных качелей и поплотнее запахнула халат на груди. «У меня мало времени». *Он умирает*, снова подумала она.

– И, как я понимаю, выбора у меня нет?

– Уж ты-то, Гвенди Питерсон, лучше всех должна знать, что выбор есть всегда. – Он резко вдохнул и выпустил долгий прерывистый выдох.

Вот тогда Гвенди и поняла, что ее насторожило – что зудело на краешке сознания с той самой минуты, когда они с Фаррисом вышли на крыльцо. Сегодня вечером температура в Касл-Роке резко упала; они с Райаном слушали про-

гноз погоды в машине по дороге домой, и это было не больше часа назад. Она сама уже начала замерзать, и каждый раз, когда открывала рот, из него вырывались белые облачка пара – *дыхание фей*, как они называли это в детстве, – но когда говорил Фаррис, его дыхание не превращалось в пар, как обычно бывает на холоде.

– Я бы не назвала это выбором, – сказала Гвенди, глядя на холщовую сумку у себя под ногами. – Мне все равно уже не отвязаться от этого пульта.

– Но что ты будешь с ним *делать*, решать только тебе. – Фаррис закашлялся, прикрыв рот тыльной стороной ладони, а когда убрал руку, Гвенди снова заметила мелкие капельки крови у него на костяшках.

– Вы сказали, что пульт склоняется на сторону зла. Что он убил последних семерых хранителей. Почему вы решили, что со мной будет иначе?

– Потому что я тебя знаю. – Он поднял вверх указательный палец, тонкий, как прутик. – Ты *особенный* человек.

– Чушь, – тихо проговорила Гвенди. – Это самоубийственная задача, и вам это известно.

Потрескавшиеся губы Фарриса растянулись в жутком подобии улыбки, и так же внезапно улыбка померкла. Он быстро глянул куда-то в сторону и склонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то, что было слышно ему одному.

– Там кто-то есть? – спросила Гвенди. – Кто они? Что им нужно?

– Им нужен пульт управления. – Он повернулся обратно к Гвенди, и она снова увидела в нем того самого Ричарда Фарриса, каким он был в день их первой встречи в парке Касл-Вью, – она помнила эти глаза, помнила этот взгляд, сосредоточенный, ясный и твердый. – И они очень злы. Слушай внимательно. – Он наклонился вперед, и на Гвенди пахнуло душком гнили и мертвечины. Она не успела отпрянуть, и Фаррис взял ее за руку. Она вздрогнула и уставилась на их переплетенные пальцы. В голове промелькнула мысль: *Его рука не ощущается человеческой. Он не человек.*

Ричард Фаррис заговорил на удивление твердым голосом. Объяснил, что надо сделать. Все объяснение от первого до последнего слова заняло не больше полутора минут. Завершив свою речь, он отпустил руку Гвенди и сгорбился в кресле. Его лицо вновь побледнело, утратив все краски.

Гвенди долго сидела не шевелясь и смотрела невидящими глазами в темноту, поглотившую задний двор. Наконец она повернулась к Фаррису:

– Вы требуете невозможного.

– Очень надеюсь, что нет. Это единственное место в мире, где они до него не доберутся. Ты должна попытаться, Гвенди, пока еще можно успеть. Кроме тебя, я никому больше не доверяю.

– Но как...

Резко выпрямившись, Фаррис вскинул руку, призывая ее замолчать. Он снова прислушался, повернул голову и вгля-

делся в пятно густой темноты под плакучей ивой на соседнем дворе.

Гвенди медленно поднялась на ноги, подошла ближе к сетчатому экрану и посмотрела туда же, куда смотрел Фаррис. Она ничего не увидела и не услышала в мерзлой ночи. Спустя пару секунд у нее за спиной с тихим стуком закрылась сетчатая задняя дверь. Гвенди обернулась и вовсе не удивилась, увидев пустое кресло. Ричард Фаррис покинул здание. Как Элвис.

– Я подошел уже в самом конце, – говорит Адеш, понизив голос. – Но мне показалось, что вы стонали. Я испугался, что вы поранились.

Они с Гвенди снова сидят, пристегнувшись ремнями, в своих полетных креслах на третьей палубе «Орла-19». Стальной чемоданчик с маркировкой **«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»** надежно спрятан в багажном отсеке под сиденьем Гвенди. Она держит в руках – без перчаток – айпад, его пустой экран темен и тих.

– Уинстон сказал, что у вас был испуганный голос и вы что-то кричали... что-то о «черной коробке». Он утверждает, что остальное не разобрал. Не расслышал.

Гвенди не помнит, как уснула. Не помнит, чтобы ей что-то снилось. Но при одной только мысли, что Гарет Уинстон не врет, у нее кружится голова и тошнота подступает к горлу. У нее слишком много секретов – страшных, темных секретов, – и ей сейчас точно не стоило бы разговаривать во сне.

Быстро взглянув на Джафари Банколе, который сосредоточенно смотрит в мониторы над креслом, Гвенди украдкой бросает взгляд на Гарета Уинстона, громко храпящего в кресле рядом со вторым иллюминатором. С *его* иллюминатором. *Он действительно спит – или притворяется?* Уже во второй раз после посадки на борт из густого тумана в голове

Гвенди выплывает кристально ясная мысль: *Этот Уинстон гораздо умнее, чем кажется.*

– Что он вообще делал у моей двери?

– Он сказал, что ходил в туалет. Может быть, и ходил, – говорит Адеш, наклонившись так близко к Гвенди, что она чувствует запах корицы в его дыхании. Он добавляет совсем тихим шепотом: – Но когда я пошел проверять свою живность, то застал его на месте преступления.

Гвенди ждет продолжения и заранее боится того, что услышит.

– Он возился с замком на двери вашей каюты.

О.Н., думает Гвенди. *Очень нехорошо.*

Адеш улыбается, и это вовсе не дружелюбная улыбка.

– Когда он наконец обернулся и увидел меня, у него глаза вылезли из орбит – прошу прощения за каламбур, – и он чуть не выпрыгнул из скафандра. Чем хороша невесомость – никто не слышит, как ты подошел.

– Я очень рада, что вы так вовремя подошли. Я... я...

И тут ее мозг искрит от короткого замыкания и отключается напрочь. Вся хранившаяся в нем информация вдруг исчезает, словно ее стерли невидимым ластиком. *Куда все подевалось?* Она не знает. Она знает лишь, что ее зовут Гвенди Питерсон, она летит на космическом корабле и пытается спасти мир. Но от чего его надо спасать? Этого она не помнит. Как не помнит, о чем сейчас говорила и с кем. Внезапное, всепоглощающее ощущение потери – предельной пустоты –

пугает ее так сильно, что она чуть не плачет.

– Сенатор Питерсон? Гвенди? Вам плохо? – Адеш глядит на нее с искренним беспокойством и, кажется, собирается звать на помощь.

– Я... – начинает она, и тут у нее в голове что-то переключается, и все возвращается на свои места. Она беседует с энтомологом Адешем Пателем, они говорят о Гарете Уинстоне, любопытном, настырном и шумном нахале, который спит в кресле у дальнего иллюминатора. Уинстон – миллиардер с большой буквы «М», и Гвенди совсем не уверена, что ему можно доверять. Судя по выражению лица Адеша Пателя, он тоже не очень уверен, можно ли доверять Гвенди.

– Со мной все в порядке, – наконец говорит она. – Я просто задумалась, и мне неожиданно вспомнилась одна фраза, которую часто говаривала моя мама, ныне покойная. И меня перемкнуло. В последнее время такое случается все чаще и чаще, а почему, я не знаю.

Настороженный взгляд Адеша тут же смягчается.

– Ох, Гвенди, я очень сочувствую вашей потере.

Гвенди сама понимает, что это был запрещенный прием, но не чувствует никаких угрызений совести.

– Спасибо, но мамы не стало уже давно. И мысль была светлой, хорошей. Я рада этому воспоминанию. – Она включает айпад, и черный экран оживает. – Просто хотелось бы лучше справляться с такими наплывами. Иначе может получиться... неловко.

– Не надо смущаться. Я уверен, что вам очень сильно ее не хватает.

Гвенди вздыхает.

– Да, так и есть. – Ей удастся изобразить некое подобие улыбки. – Если честно, меня больше смущает, что я еще не приступила к рабочим обязанностям. Первый день в верхнем пределе, а я уже отстаю от графика, – говорит она, глядя на данные на экране айпада. – Сейчас шесть часов напряженной работы – и только потом перерыв на сон.

Адеш морщит лоб и тихонько фыркает.

– Вы задремали на двадцать минут. И что с того? – Он украдкой озирается по сторонам и легонько похлопывает себя по животу. – Я открою вам тайну. До обеда по расписанию еще час с небольшим, а я уже съел два протеиновых батончика.

– Не может быть!

– Очень даже может.

Гвенди смотрит на верхнюю палубу.

– Главное, чтобы начальство об этом не знало.

– Что происходит на третьей палубе, остается на третьей палубе, – говорит он, пожимая плечами под фиксирующими ремнями.

Гвенди тихонько хихикает, прикрыв рот рукой. За четыре недели интенсивной подготовки к полету и двенадцать дней карантина она достаточно близко узнала некоторых из своих коллег по экипажу. Но если Кэти Лундгрэн и Берн Стэпл-

тон стали ей как родные, то всех остальных она знает довольно поверхностно, включая и Адеша Пателя, энтомолога из Индии. Он очень умный, но тихий и скромный. Всегда вежливый и приветливый. Он много ездил по миру и свободно говорит на нескольких языках. Он счастлив в браке с красивой женщиной по имени Дакша, что означает «Земля». У них двое детей: сыновья-близнецы, которым сейчас по четырнадцать лет. На фотографиях, которые видела Гвенди, все семейство всегда улыбается. Еще она знает, что сыновья Адеша не хотят становиться учеными по примеру родителей. Они собираются стать профессиональными бейсболистами с выгодными обувными контрактами и семизначным числом подписчиков в социальных сетях – что, как признается сам Адеш, скромный энтомолог, его беспокоит и не дает спать по ночам.

Сегодня Гвенди узнала еще кое-что об Адеше Пателе, кое-что очень важное. Он человек принципиальный и честный, и у него доброе сердце. Он очень нравится Гвенди, и она уверена, что ему можно доверять. Ей сейчас необходимы союзники. Все, которых удастся привлечь. Даже те – или, может быть, *именно* те, – у кого есть ручной скорпион и жутковатый тарантул.

Гарет Уинстон на другом конце палубы продолжает похрапывать и вдруг выдает оглушительную какофонию влажных булькающих хрипов, чем-то похожих на хрюканье парочки распалившихся призовых хряков в брачный сезон.

Гвенди с Адешем изумленно оборачиваются к храпящему миллиардеру, потом переглядываются друг с другом и громко смеются. Джафари отрывается от планшета.

– Что такое? Что я пропустил? – Озадаченное выражение на лице астронома смотрится так уморительно, что Гвенди с Адешем смеются еще сильнее. – Так что? Расскажите.

Раздается внезапный жужжащий звук, и на центральном экране над каждым креслом появляется улыбающееся лицо Кэти Лундгрэн.

– Не хочу показаться занудой, ребята, но тут кое-кто пытается работать. – Она дружелюбно подмигивает. – Можно чуть-чуть потише?

– Прошу прощения. – Гвенди чувствует, как у нее горят щеки. – Это я все затеяла.

– Ничего страшного, сенатор. Я рада, что вы довольны полетом.

Лицо Кэти исчезает с экранов, сменившись таблицами с данными и разноцветными диаграммами.

– Что за шум?

Все трое оборачиваются на голос. Гарет Уинстон сонно моргает и трет глаза кулаком, похожим на скомканный рыхлый шарик. Его короткие темные волосы, всегда аккуратно причесанные, сейчас торчат во все стороны влажными от пота шипастыми прядями. Прежде чем кто-то из них успевает придумать ответ, Уинстон взволнованно утыкается носом в иллюминатор. В *его*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.